

А. А. Ивин

ЛОГИКА ОЦЕНОК И НОРМ

ФИЛОСОФСКИЕ,
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

МОНОГРАФИЯ

ФИЛОСОФИЯ ЦЕННОСТЕЙ

ОЦЕНКИ И НОРМЫ В НАУКЕ И В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ОПИСАТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ

ЛОГИКА АБСОЛЮТНЫХ ОЦЕНОК

ОЦЕНКИ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

И ДР.

ЛОГИКА ОЦЕНОК И НОРМ

МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ МОНОГРАФИЯ

Александр Ивин

**Логика оценок и норм.
Философские, методологические и
прикладные аспекты. Монография**

«Проспект»

Ивин А. А.

Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. Монография / А. А. Ивин — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-219593-0

В книге анализируется современное состояние философских, логических и методологических исследований оценочных и нормативных рассуждений. Особое внимание уделяется роли оценок и норм в человеческой деятельности, представлениям о структуре оценок и норм и их взаимных связях, вопросу об истинности оценок и норм, актуальным методологическим проблемам «нормативных наук» (этика, эстетика, правоведение, искусствоведение и др.), способам вхождения оценок и норм в науку и другие области культуры. Описываются важные усовершенствования первой логики абсолютных оценок, построенной автором в 1968 г. и прошедшей уже испытание временем. Излагается новая логическая теория сравнительных оценок, использующих шкалу «лучше — равноценно — хуже». Показывается, что нормативные утверждения могут быть сведены к абсолютным оценкам, использующим шкалу «хорошо — безразлично — плохо». Намечаются новые области практического приложения результатов логики оценок и деонтической (нормативной) логики, перспективы дальнейших философских и логических исследований оценок и норм. Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего на представителей социальных и гуманитарных наук: правоведов, философов, социологов, экономистов, политологов, лингвистов, искусствоведов и др.

ISBN 978-5-39-219593-0

© Ивин А. А.

© Проспект

Содержание

Предисловие	7
Глава I	9
1. Употребления языка	9
2. Противопоставление описаний и оценок	12
3. Новая классификация употреблений языка	13
4. Бытие и становление	17
5. Аксиологические категории	20
6. Понятие ценности	21
7. Семантика «добра»	28
8. Об одной старой философской ошибке	37
9. Из истории исследования ценностей	41
Глава II	42
1. Ценности и классификация наук	42
2. Оценки и законы истории	46
3. Социальный прогресс и ценности	51
4. История самосозидающегося человечества	55
Глава III	57
1. Особенности описательно-оценочных высказываний	57
2. Акцентуированные высказывания	60
3. Научные законы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

А. А. Ивин
Логика оценок и норм. Философские,
методологические и прикладные аспекты
Монография

ebooks@prospekt.org

Предисловие

Разногласия и неустойчивость мнений в вопросах добра и зла, хорошего и предосудительного нередко склоняют к мысли, что никакое научное исследование оценок и норм невозможно. Оценки и нормы являются субъективными, меняются от общества к обществу и от одного исторического периода к другому. Наука же имеет дело с истиной, остающейся всегда неизменной.

Невозможным нередко считается и научное построение тех областей знания, которые, подобно этике, эстетике, правоведению, искусствоведению и т. д., обязательно содержат оценки и нормы. Общим местом ряда направлений современной философии является утверждение, что так называемые нормативные науки, включающие в свой состав оценки и нормы, вообще не являются науками – даже самыми неточными – и никогда не сумеют стать ими.

Л. Витгенштейн, прочитавший однажды лекцию по этике, причину безысходности научного обсуждения ее проблем видел в ее языке. Язык, на котором мы говорим о моральном добре и долге, совершенно отличен от разговорного и научного языка. Наши слова, как они используются нами в науке, – это исключительно сосуды, способные вмещать и переносить значение и смысл. Этика, если она вообще чем-то является, сверхестественна.

По мысли Витгенштейна, для рассуждений об этике, относящейся, скорее всего, к сверхестественному, требуется особый язык, которого у нас нет. И если бы такой язык был все-таки изобретен, это привело бы к катастрофе: он оказался бы несовместимым с нашим обычным языком и от какого-то из этих двух языков нужно было бы отказаться. Заговорив о добре и долге, пришлось бы молчать обо всем остальном.

Это всего лишь одна линия защиты мнения о невозможности строгого обоснования науки о морали, противопоставляющая ее обычным наукам. Очевидно, что сказанное об этике относится и ко всем тем научным дисциплинам, которые устанавливают и обосновывают оценки и нормы.

Можно отметить, что мнение о невозможности научного обоснования этики сравнительно недавнего происхождения и оно явно противоречит многовековой традиции. Еще не так давно, а именно в конце XVII в., столь же распространенным было прямо противоположное убеждение. Наиболее яркое выражение оно нашло в философии Б. Спинозы. Он был уверен в том, что в этике достижима самая высокая мера точности и строгости, и предпринял грандиозную попытку перестроить этику по образцу геометрии.

Современник Спинозы Дж. Локк тоже не сомневался в возможности научной этики, столь же очевидной и точной, как и математика. Он полагал, кроме того, что, несмотря на работы «несравненного мистера Ньютона», физика и вообще вся естественная наука невозможны.

Впрочем, отстаивая возможность строгой и точной этики, Спиноза и Локк не были оригинальны. Они только поддерживали и продолжали старую философскую традицию, у истоков которой стояли Сократ и Платон.

Никакой реальной альтернативы здесь, разумеется, нет. Вопрос не стоит так: либо этика без естествознания, либо естествознание без этики. Возможна научная трактовка как природы, так и морали. Одно не исключает другого.

И это касается не только добра и долга в сфере морали, но и всех других ценностей и норм, в какой бы области они ни встречались. Несмотря на все своеобразие оценок и норм в сравнении с объектами, изучаемыми естественными науками, оценки и нормы вполне могут быть предметом научного исследования. Притом исследования, ведущего к достаточно убедительным, строгим и точным результатам. «Строгим» и «точным» в том, разумеется, смысле и в той мере, какие характерны именно для наук, говорящих о ценностях и долге.

Проблема научного исследования ценностей имеет важный логический аспект.

Можно ли о хорошем и плохом, обязательном и запрещенном рассуждать последовательно и непротиворечиво? Можно ли быть логичным в вопросах морали, права и подобных им наук? Вытекают ли из одних оценок и норм какие-то иные оценки и нормы? На эти и связанные с ними вопросы должна ответить логика. Само собой разумеется, если бы оказалось, что логика не приложима к наукам, включающим и обосновывающим ценности, то ни о каком научном обосновании этики или теории права не могло быть и речи.

Могут ли два человека, рассуждающие о хорошем или должном, противоречить друг другу? Очевидно, да, и мы постоянно сталкиваемся с таким несогласием мнений. Однако строго аргументированный ответ на этот вопрос предполагает создание особой теории таких рассуждений. Доказательство того, что можно быть логичным и последовательным в суждениях о добре и долге, требует построения логических теорий рассуждений с такими суждениями.

Эта теория, включающая логику оценок и логику норм, сформировалась сравнительно недавно. Первая приемлемая логика норм была сформулирована Г.Х. фон Вригтом в 1953 г., логика сравнительных оценок – Д. Дэвидсоном, Дж. Маккинси и П. Саппсом в 1948 г., логика абсолютных оценок и логика инструментальных оценок – А.А. Ивиным в 1968 и 1970 гг. Многие, прежде всего семантические проблемы этих новых разделов логики еще недостаточно ясны, ряд важных их результатов вызывает споры. Но ясно, что они уже не просто абстрактно возможны, а реально существуют и показывают, что рассуждения о ценностях и нормах не выходят за сферу «логического» и могут успешно анализироваться и описываться с помощью методов современной логики.

В данной книге обсуждаются основные проблемы современной философии и логики оценок и норм. Нормы истолковываются при этом как особый случай оценок. В первых главах проясняются сами понятия ценности и оценки. Далее излагаются логика абсолютных оценок, логика сравнительных оценок и затем – логика норм. Отдельная глава отведена операции понимания, которое, как представляется, неразрывно связано с ценностями. Затем обсуждаются проблемы, связанные с обоснованием оценок и норм в социальных и гуманитарных науках.

Глава I

Философия ценностей

1. Употребления языка

Язык пронизывает всю нашу жизнь, и он должен быть таким же богатым, как и она сама. С помощью языка мы можем описывать самые разные ситуации, оценивать их, отдавать команды, предостерегать, обещать, формулировать нормы, молиться, заклинать и т. д.

Можно ли перечислить все те задачи, которые человек решает посредством естественного, или повседневного, языка? Какие из употреблений, или функций, языка являются основными, а какие вторичными, сводимыми к основным? Как ни странно, эти вопросы встали только в начале прошлого века.

В числе употреблений языка особое место занимает *описание* – высказывание, главной функцией которого является сообщение о реальном положении вещей, способное иметь истинностное значение.

Описание, соответствующее действительности, является истинным. Описание, не отвечающее реальному положению дел, ложно. К примеру, описание «Снег бел» является истинным, а описание «Кислород – металл» ложно. Иногда допускается, что описание может быть неопределенным, лежащим между истиной и ложью. К не-определенным можно отнести многие описания будущего («Через год в этот день будет пасмурно» и т. п.). Иногда в описаниях используются слова «истинно», «верно», «на самом деле» и т. п.

Долгое время считалось, что описание – это единственная функция языка или, во всяком случае, та его функция, к которой может быть сведено любое иное его употребление. Предполагалось, что любое грамматически правильное повествовательное предложение является описательным и, значит, истинным или ложным. Как оказалось при более внимательном анализе, описание, несмотря на всю его важность, – не единственная задача, решаемая с помощью языка. Оно не является даже главной его задачей. Перед языком стоят многие задачи, не сводимые к описанию.

В 20-е гг. прошлого века Ч. Огден и А. Ричардс написали книгу, в которой привлекли внимание к *экспрессивам* и убедительно показали, что эмотивное (выражающее) употребление языка не сводимо к его обозначающему, описательному значению. Фразы «Сожалею, что разбудил вас», «Поздравляю вас с праздником» и т. п. не только описывают состояние чувств говорящего, но и выражают определенные психические состояния, связанные с конкретной ситуацией.

Например, я вправе поздравить вас с победой на соревнованиях, если вы действительно победили и если я на самом деле рад вашей победе. В этом случае поздравление будет искренним и его можно считать, истинным, т.е. соответствующим внешним обстоятельствам и моим чувствам. Если же я поздравляю вас с тем, что вы хорошо выглядите, хотя на самом деле вы выглядите неважно, мое поздравление неискренне. Оно не соответствует реальности, и если я знаю об этом, то не соответствует и моим чувствам. Такое поздравление вполне можно оценить как ложное. Ложным было бы и поздравление с тем, что вы открыли квантовую механику: всем, в том числе и вам, заведомо известно, что это не так, и поздравление звучало бы насмешкой.

Особое значение для разработки теории употреблений языка имели идеи английского философа Дж. Остина. Он, в частности, привлек внимание к тому необычному факту, что язык может напрямую использоваться для изменения мира, а именно мира человеческих отношений.

Именно эта задача решается выражениями, названными Остином *декларациями*: «Назначаю вас председателем», «Ухожу в отставку», «Я заявляю: наш договор расторгнут», «Обручаю вас» («Объявляю вас мужем и женой») и т. п.

Декларацию можно определить как высказывание, меняющее существовавшее до его произнесения положение вещей.

Когда, допустим, я успешно осуществляю акт назначения кого-то председателем, он становится председателем, а до этого акта он не был им. Если успешно выполняется акт производства в генералы, в мире сразу же становится одним генералом больше. Когда футбольный арбитр говорит: «Вы удаляетесь с поля», игрок оказывается вне игры и она, по всей очевидности, меняется.

Декларации явно не описывают некоторую существующую ситуацию. Они непосредственно меняют мир и делают это самым фактом своего произнесения. Очевидно, что декларации не являются истинными или ложными. Они могут быть, однако, обоснованными или необоснованными (я могу назначить кого-то председателем, если у меня есть право сделать это).

Еще одно употребление языка – нормативное. С помощью языка формулируются *нормы*, посредством которых говорящий под угрозой наказания хочет добиться того, чтобы слушающий выполнил определенные действия. Нормативные высказывания называются также деонтическими (от греч. *deon* – долг, обязанность) или прескриптивными (от лат. *prescribere* – предписывать) и обычно противопоставляются описательным высказываниям, именуемым также дескриптивными (от лат. *describere* – описывать).

Норма (нормативное, или деонтическое, высказывание) – высказывание, обязывающее, разрешающее или запрещающее что-то сделать под угрозой наказания.

Нормы чрезвычайно разнообразны и включают команды, приказы, требования, предписания, законы, правила и т. п. Примерами могут служить выражения: «Прекратите говорить!», «Старайтесь приносить максимум пользы как можно большему числу людей», «Следует быть стойким» и т. п. Нормы, в отличие от описаний, не являются истинными или ложными, хотя могут быть обоснованными или необоснованными.

Язык может использоваться также для *обещаний*, т. е. для возложения на себя говорящим обязательства совершить в будущем какое-то действие или придерживаться определенной линии поведения. Обещаниями являются, к примеру, выражения: «Обещаю вести себя примерно», «Клянусь говорить правду и только правду», «Буду всегда вежлив» и т. п. Обещания можно истолковать как нормы, адресованные говорящим самому себе и в чем-то предопределяющие его поведение в будущем. Как и все нормы, обещания не являются истинными или ложными. Они могут быть обдуманными или поспешными, целесообразными или нецелесообразными и т. п.

Язык может использоваться также для *оценок*. Последние выражают положительное, отрицательное или нейтральное отношение субъекта к рассматриваемому объекту или, если сопоставляются два объекта, для выражения предпочтения одного из них другому.

Оценка (оценочное высказывание) – высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта.

Оценками являются, к примеру, выражения: «Хорошо, что погас свет», «Плохо, когда кто-то опаздывает», «Лучше прийти раньше, чем опоздать» и т. п. Оценки столь же фундаментальны и ни к чему не сводимы, как и описания. Однако в отличие от описаний они не являются истинными или ложными.

Имеется, таким образом, большое число разных употреблений языка: сообщение о положении дел (описание), попытка заставить что-либо сделать (норма), выражение чувств (экспрессив), изменение мира словом (декларация), принятие обязательства что-то сделать (обещание), выражение позитивного или негативного отношения к чему-то (оценка) и др. Л.

Витгенштейн полагал даже, что число разных употреблений языка (разных «языковых игр», как он говорил) является неограниченным.

2. Противопоставление описаний и оценок

Можно ли выделить какие-то употребления языка в качестве основных и установить их связь со всеми иными его употреблениями?

С точки зрения логики и философии важным является проведение различия между двумя основными употреблениями языка: *описанием* и *оценкой*. В случае первого отправным пунктом сопоставления высказывания и действительности является реальная ситуация и высказывание выступает как ее описание, характеризуемое в терминах понятий «истинно» и «ложно». При второй функции исходным является высказывание, выступающее как стандарт, перспектива, план, Соответствие ситуации этому высказыванию характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо».

Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – сделать так, чтобы мир отвечал словам.

Понятно, что эти два противоположных употребления языка не сводимы друг к другу. Нет оснований также считать, что описание первично или более фундаментально, чем оценка.

Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми имеется масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки есть многие разновидности и описаний, и оценок. Чистые описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно-оценочный характер.

Все это должно учитываться при изучении множества «языковых игр», или употреблений языка. Вполне вероятно, что множество таких «игр» является, как полагал Витгенштейн, неограниченным. Нужно учитывать, однако, то, что более тонкий анализ употреблений языка движется в рамках исходного и фундаментального противопоставления описаний и оценок и является всего лишь его детализацией. Она может быть полезной во многих областях, в частности в лингвистике, но лишена, вероятнее всего, интереса в логике, в теории аргументации и др.

Другие употребления языка

Важным является, далее, различие между экспрессивами, близкими описаниям, и *орективами*, сходными с оценками.

Экспрессив – высказывание, выражающее какие-то чувства. Например: «Рад, что вы не растерялись», «Сочувствую вашему несчастью», «Поздравляю вас с успехом!» и т. п.

Оректив – высказывание, используемое для возбуждения чувств, воли, побуждения к действию. Орективами являются, к примеру, выражения: «Возьмите себя в руки», «Вы преодолете трудности», «Верьте в свою правоту и действуйте!» и т. п.

Частным случаем оректического употребления языка может считаться так называемая *нуминозная функция* – зачаровывание слушателя словами (заклинаниями колдуна, словами любви, лести, угрозами и т. п.).

3. Новая классификация употреблений языка

Выделение функций языка является классификацией утверждений, или высказываний. Как и всякая классификация, оно зависит от выбранного основания, т. е. от тех целей, для которых предполагается использовать противопоставление разных функций. Подобно большинству делений сложных классов объектов, здесь трудно рассчитывать на создание естественной, а значит, единственной, классификации, подобной классификации растений К. Линнея или периодической системе химических элементов Д.И. Менделеева. В лингвистике может оказаться полезной одна классификация функций языка, в логике – другая и т. д.

Теория речевых актов

С точки зрения лингвистики и философии языка несомненный интерес представляет описание употреблений языка так называемой *теорией речевых актов*. Данная теория приобрела известность в последние десятилетия, хотя в ее основе лежат идеи, высказанные ранее английскими философами Л. Витгенштейном и Дж. Остином¹. Эти идеи были развиты и конкретизированы Дж. Сёрлем, П. Стросоном и др.² Объектом исследования теории речевых актов является акт речи – произнесение говорящим предложений в ситуации непосредственного общения со слушающим. Теория развивает деятельностное представление о языке, рассматривая его как определенного рода взаимодействие между говорящим и слушателями. Субъект речевой деятельности понимается не как абстрактный индивид, лишенный каких-либо качеств и целей, а как носитель ряда конкретных характеристик, психологических и социальных.

В теории речевых актов выделяются пять основных задач, решаемых с помощью языка: сообщение о реальном положении дел (репрезентатив), попытка заставить что-то сделать (норма), выражение чувств (экспрессив), изменение мира словом (декларация) и принятие обязательства что-то реализовать (обещание).

Теория речевых актов, начавшая формироваться в философии, затем сместилась в лингвистику и постепенно утратила свою первоначальную общность.

Прежде всего, вызывает сомнение, что указанными пятью функциями языка исчерпываются все те задачи, для решения которых употребляются высказывания. Витгенштейн полагал, в частности, что употреблений языка неограниченно много и они не могут быть сведены к какому-то каноническому их перечню. Во-вторых, неудачным представляется описание сообщений о реальном положении дел, или репрезентативов. Самый простой тест для репрезентативов, говорит Сёрль, следующий: можете вы буквально оценить высказывание (кроме прочего) как истинное или ложное; но это – ни необходимое, ни достаточное условие³. Последняя оговорка превращает описания в утверждения о намерении сообщить нечто о реальности. В-третьих, в теории речевых актов пропускается ряд самостоятельных, не сводимых к другим употреблений языка. В первую очередь это касается оценок и орективов – утверждений, основной функцией которых является возбуждение чувств, стимуляция воли слушателя.

Пропуск оценок объясняется, скорее всего, двумя обстоятельствами. Многие высказывания обычного языка, кажущиеся по своей грамматической форме оценками (т. е. содержащими слова «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже», «должен быть» и т. п.), на самом деле являются не оценками, а описаниями; существуют также двойственные описательно-оценочные высказывания, подобные моральным принципам или законам науки, играющие в одних контекстах роль описаний, а в других – роль оценок. И наконец, теория речевых актов не ставит вопроса о редукции одних употреблений языка к другим. Например, нормы можно свести к оценкам, дополненным санкцией за невыполнение позитивно оцениваемого действия, обещания – к нормам, адресованным самому себе, и т. д.

С точки зрения логики, философии и риторики важным является проведение различия между двумя функциями языка: *описательной* и *оценочной*. В случае первой отправным пунктом сопоставления высказывания и действительности является реальная ситуация и высказывание выступает как ее описание, характеризуемое в терминах понятий «истинно» и «ложно». При второй функции исходным является высказывание, выступающее как стандарт, перспектива, план; соответствие ему ситуации характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо». Задача описания – привести слова в соответствие с миром, задача оценки – привести мир в соответствие со словами. Эти противоположные функции языка не сводимы друг к другу, и ни одна из них не является более первичной или более фундаментальной, чем другая.

Иногда противопоставление описаний и оценок воспринимается как неоправданное упрощение сложной картины употреблений языка. Так, Остин высказывает пожелание, чтобы наряду со многими другими дихотомиями, всегда плохо приложимыми к естественному языку, было отброшено и привычное противопоставление оценочного (нормативного) фактическому. Сёрль также говорит о необходимости разработки новой таксономии, не опирающейся на противопоставление оценочного – описательному или когнитивного – эмотивному. Сам Остин выделяет пять основных классов речевых актов: вердикты, приговоры; осуществление власти, голосование и т. п.; обещания и т. п.; этикетные высказывания (извинение, поздравление, похвала, ругань и т. п.); указание места высказывания в процессе общения («Я отвечаю», «Я постулирую» и т. п.). Однако все эти случаи употребления языка представляют собой только разновидности оценок, в частности оценок с санкциями, т. е. норм. Сёрль говорит о следующих пяти различных действиях, которые мы производим с помощью языка: сообщение о положении вещей; попытка заставить сделать; выражение чувств; изменение мира словом (отлучение, осуждение и т. п.); взятие обязательства что-то сделать. Здесь опять-таки первый и третий случаи – это описания, а остальные – разновидности оценок (приказов).

Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми имеется масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки имеются многие разновидности и описаний, и оценок. Чистые описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный описательно-оценочный характер. Все это должно учитываться при изучении множества «языковых игр», или употреблений языка; вполне вероятно, что множество таких «игр» является, как это предполагал Витгенштейн, неограниченным. Но нужно учитывать также и то, что более тонкий анализ употреблений языка движется в рамках исходного и фундаментального противопоставления описаний и оценок и является всего лишь его детализацией. Она может быть полезной во многих областях, в частности в лингвистике, но лишена, вероятнее всего, интереса в логике и риторике.

Основные и производные употребления языка

Для систематизации употреблений языка воспользуемся двумя оппозициями. Противопоставим мысль – чувству (воле, стремлению и т. п.), а выражение определенных состояний души – внушению таких состояний. Это даст простую систему координат, в рамках которой можно расположить все основные и производные употребления языка.

	МЫСЛЬ		
выражение состояний души	описания	орективы обещания декларации нормы оценки	внуше состо
	чувство		

Описания представляют собой выражения мыслей, экспрессивы – выражения чувств. Описания и экспрессивы относятся к тому, что может быть названо «пассивным употреблением» языка и охарактеризовано в терминах истины и лжи. Оценки и орективы относятся к «активному употреблению» языка и не имеют истинностного значения. Нормы и представляют собой частный случай оценок, обещания – частный, или вырожденный, случай норм. Декларации являются особым случаем магической функции языка, когда он используется для изменения мира человеческих отношений. Как таковые декларации – это своего рода предписания, или нормы, касающиеся поведения людей. Обещания представляют собой особый случай *постулативной функции*, охватывающей не только обещания в прямом смысле этого слова, но и принятие конвенций, аксиом вновь вводимых теорий и т. п.

Имеются, таким образом, четыре основных употребления языка: *описание, экспрессив, оценка и оректив*, а также целый ряд промежуточных его употреблений, в большей или меньшей степени тяготеющих к основным: *нормативное, магическое, постулативное* и др.⁴

Важность классификации употреблений языка для логики несомненна. Многие понятия логики (например, понятия доказательства, закона логики и др.) определяются в терминах истины и лжи. Но, оказывается, существует большой класс таких употреблений языка, которые явно стоят вне «царства истины». Это означает, что логике необходимо шире взглянуть на изучаемые объекты и предложить новые, более широкие определения некоторых из своих основных понятий. С другой стороны, классификация позволяет уточнить связи между отдельными разделами, или ветвями, логики. Если, например, нормы – только частный случай оценок, то логика норм должна быть частным случаем логики оценок. Тому, кто попытается,

скажем, построить «логику деклараций» или «логику обещаний», следует помнить, что декларации и обещания – частный случай норм, логика которых существует уже давно.

4. Бытие и становление

Общая тенденция философии XX – XXI вв. – повышенное внимание ко времени, имеющему *направление* и связанному с *изменчивостью мира*, с его *становлением*. Эта тенденция была совершенно чуждой логическому позитивизму, ориентированному на естественные науки, и прежде всего на физику. Эта наука истолковывает существование по преимуществу как устойчивое, повторяющееся одно и то же *бытие*.

Противопоставление становления как постоянного, охватывающего все в мире изменения, неподвижному, не допускающему появления принципиально новых объектов и явлений бытию берет свое начало в античной философии.

Гераклит растворял бытие в становлении и представлял мир как становящееся, текучее, вечно изменчивое целое.

Парменид, напротив, считал становление кажимостью и подлинное существование приписывал только бытию.

В онтологии Платона вечно существующий умопостигаемый мир является парадигмой для вечно становящегося чувственно воспринимаемого мира.

Аристотель, отказавшись от бытия в форме особого мира идей, придал становлению характер направленности.

Описание мира как становления предполагает особую систему категорий, отличную от той, на которой основывается описание мира как бытия.

Единая категориальная система мышления распадается на две системы понятий. В первую из них входят *абсолютные понятия*, представляющие свойства объектов, во вторую – *сравнительные понятия*, представляющие отношения между объектами. Абсолютные категории можно назвать, универсализируя терминологию, введенную Дж. Мак-Таггартом для обозначения двух типов времени, «А-понятиями», сравнительные категории – «В-понятиями».

Существование как свойство – это *становление* (возникновение или исчезновение); *существование* как отношение – это *бытие*, которое всегда относительно («А более реально, чем В»).

Время как свойство (А-время) представляется динамическим временным рядом «*было – есть – будет*» («*прошлое – настоящее – будущее*») и характеризуется направленностью, или «стрелой времени»; *время* как отношение (В-время) представляется статическим временным рядом «*раньше – одновременно – позже*» и не имеет направления.

Пространство как свойство – это «*здесь*» или «*там*»; *пространство* как отношение – это выражения типа «А *дальше* В», «А *совпадает с* В» и «А *ближе* В».

Изменение как свойство передается понятиями «*возникает*», «*остаётся неизменным*» и «*исчезает*»; *изменению* как отношению соответствует «А *преобразуется (переходит) в* В».

Определенность существующего, взятая как свойство, передается рядом «*необходимо – случайно – невозможно*»; *определенность* как отношение передается выражением «А *есть причина* В».

Добро в качестве свойства – это ряд «*хорошо – безразлично – плохо*»; *добро* как отношение – это ряд «*лучше – равноценно – хуже*».

Истина как свойство передается понятиями «*истинно – неопределенно – ложно*», как отношение – выражением «А *более вероятно, чем* В», и т. д.

За каждой из двух категориальных систем стоит особое видение мира, свой способ его восприятия и осмысления.

Отношение между абсолютными и сравнительными категориями можно уподобить отношению между обратной перспективой в изображении предметов, доминировавшей в средневековой живописи (и в более поздней иконописи), и прямой перспективой «классической»

живописи Нового времени: обе системы внутренне связаны, цельны и самодостаточны; каждая из них, будучи необходимой в свое время и на своем месте, не лучше и не хуже другой.

Если категории – это очки, через которые человек смотрит на мир, то наличие двух подсистем категорий говорит о том, что у человека есть очки для ближнего видения, связанного с действием (абсолютные категории), и очки для дальнего, более абстрактного и отстраненного видения (сравнительные категории). Вопрос о том, зачем необходима не одна, а две системы категорий, дополняющие друг друга, остается дискуссионным.

Объяснение, на наш взгляд, заключается в двойственной природе человека. Человек одновременно является и *созерцающим*, и *действующим* существом. Как созерцатель он воспринимает мир как *бытие* и использует по преимуществу сравнительные категории: временной ряд «раньше – одновременно – позже», оценочный ряд «лучше – равноценно – хуже». Как деятель человек воспринимает мир как *становление* и использует прежде всего абсолютные категории: временной ряд «было – есть – будет», оценочный ряд «хорошо – безразлично – плохо».

Бинарная оппозиция «становление – бытие» является центральной оппозицией как теоретического, так и практического мышления.

Видение мира как становления и видение его как бытия имеют в философии своих сторонников и противников. Склонность отдавать предпочтение восприятию мира как потока и становления можно назвать *аристотелевской* традицией в теоретическом мышлении; выдвижение на первый план описания мира как бытия – *платоновской* традицией. В русле первой из этих традиций идут гуманитарные науки (науки исторического ряда, лингвистика, индивидуальная психология и др.), а также нормативные науки (этика, эстетика, искусствоведение, правоведение, культурология и др.); к этому же направлению относятся и те естественно-научные дисциплины, которые занимаются изучением истории исследуемых объектов и – эксплицитно или имплицитно – предполагают «настоящее». Остальные естественные науки, включая физику, химию и др., ориентируются преимущественно на представление мира как постоянного повторения одних и тех же элементов, их связей и взаимодействий. Социальные науки (экономическая наука, социология, социальная психология и др.) также тяготеют к использованию сравнительных категорий. Разница между науками, использующими абсолютные категории (*науками о становлении*), и науками, опирающимися на систему сравнительных категорий (*науками о бытии*), не совпадает, таким образом, с границей между *гуманитарными* и *социальными науками* (или *науками о культуре*), с одной стороны, и *естественными науками* (*науками о природе*) – с другой.

Иногда утверждается, что сравнительные категории более фундаментальны, чем абсолютные категории, и что вторые сводимы к первым.

В частности, неопозитивизм, предполагавший редукцию языка любой науки к языку физики, настаивал на субъективности абсолютных категорий и необходимости замены их сравнительными категориями. С другой стороны, сторонники феноменологии и экзистенциализма подчеркивали, что человеческое измерение существования передается именно абсолютными, а не сравнительными категориями. Например, М. Хайдеггер высказывался против «неподлинного» понимания времени (а тем самым и бытия) в терминах сравнительных категорий и называл «физическо-техническое» В-время со шкалой «раньше – позже – одновременно» «вульгарным» временем. Ранее А. Бергсон абстрактному времени (физической) науки противопоставлял истинное, конкретное время («длительность»), являющееся, в сущности, А-временем, имеющим направление и использующим шкалу «было – есть – будет».

Философия Нового времени долгое время тяготела к описанию мира в терминах сравнительных категорий. Но затем у А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, А. Бергсона в философии жизни и более явственно в феноменологии и экзистенциализме на первый план вышли абсолютные категории, и в первую очередь А-время с его «настоящим», лежащим между «про-

шлым» и «будущим», и «стрелой времени». В русле старой традиции продолжал двигаться, однако, неопозитивизм, настаивавший на использовании во всех науках, включая и гуманитарные науки, только «объективных», не зависящих от точки зрения сравнительных категорий, и в частности временного ряда «раньше – одновременно – позже».

5. Аксиологические категории

Оценочные понятия, именуемые также *аксиологическими категориями* (от греч. *axios* – ценный, *logos* – понятие, учение) или *оценочными модальностями*, – это понятия, используемые для характеристики абсолютной или сравнительной ценности объекта.

Аксиологический статус отдельного объекта обычно выражается абсолютными аксиологическими понятиями «хорошо», «плохо» и «(оценочно) безразлично», используемыми в оценочном высказывании.

Относительный аксиологический статус выражается сравнительными аксиологическими понятиями «лучше», «хуже» и «равноценно».

Например: «Хорошо, что пошел дождь», «Плохо, что существуют болезни», «Дождливая погода лучше сухой» и т. п.

Вместо слов «хорошо» и «плохо» нередко используются слова «позитивно ценно», «является добром», «негативно ценно», «есть зло» и т. п. Вместо «лучше» часто используется «предпочитается».

Аксиологические категории являются необходимыми структурными компонентами оценочных высказываний. Логическое исследование данных понятий осуществляется логикой оценок.

По своим логическим свойствам аксиологические понятия аналогичны модальным понятиям других групп: логическим («необходимо», «возможно», «невозможно»), эпистемическим («убежден», «сомневается», «отвергает») и т. п.

Понятия «хорошо» и «плохо» взаимно определимы: объект является позитивно ценным, когда его отсутствие негативно ценно.

Безразличное определяется как не являющееся ни хорошим, ни плохим.

Понятия «лучше» и «хуже» также взаимно определимы: первое лучше второго, когда второе хуже первого.

Равноценное определяется как не являющееся ни лучшим, ни худшим.

Абсолютные и сравнительные аксиологические понятия в общем случае неопределимы в терминах друг друга. Из двух хороших вещей одна может быть лучше другой; из того, что одна вещь предпочитается другой, не вытекает, что первая является хорошей, а вторая плохой.

Существуют, таким образом, две независимые системы аксиологических координат, используя которые человек выносит свои оценки.

Система абсолютных оценочных понятий стоит ближе к человеческому действию, чем система сравнительных оценочных понятий. Характерно, что нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено», непосредственно связанные с человеческой деятельностью, определены в терминах абсолютных, но не сравнительных оценочных понятий. Возможность такого рода определений указывает на то, что нормативные (деонтические) понятия являются особым случаем не сравнительных, а абсолютных аксиологических понятий.

6. Понятие ценности

Оценки являются языковым выражением *ценностного отношения* между мыслью и ее объектом.

Прежде чем перейти непосредственно к семантике оценок, нужно остановиться на общем понятии ценности. Это тем более необходимо, что с этим понятием связаны постоянно идущие философские споры, и можно назвать по меньшей мере три разных смысла, в которых понятие «ценность» употребляется в обычной жизни и в науке.

Большинство рассуждений о ценностях, в том числе и о ценностях в науке, страдает важным дефектом. Обычно упускается из виду, что категория ценности является столь же универсальной и фундаментальной, как и категория истины.

Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой *целей, систематизацией* и *иерархизацией* рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под *образцы* и *стандарты*, отделением *важного* и *фундаментального* от *менее существенного* и *второстепенного* и т. д. Все эти понятия – «цель», «система», «иерархия», «образец», «стандарт», «важное», «фундаментальное» и т. д. являются оценочными или несут важное оценочное содержание.

Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит, и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала. Ценности столь же важны для человека, как и сама его жизнь и та его деятельность, или практика, без которой человеческое существование невозможно.

Научное познание как специфическая форма деятельности также насквозь пронизано ценностями и без них невысказимо. В применении к нему понятие ценности является столь же важным, как и понятие истины.

Если под ценностями понимается, как это бывает обычно, только то, что нашло эксплицитное выражение в специальных оценочных суждениях, сфера ценностей катастрофически сужается. Остаются только внешние для процесса познания ценности, подобные моральным, эстетическим, религиозным. Можно предположить, что они имеют определенное отношение к гуманитарным наукам. Но даже в этом слабом допущении нет прямой необходимости. Естественные же науки полностью выпадают из-под действия ценностей.

Узкое истолкование ценностей приводит в конечном счете к противопоставлению *истинностного* и *ценностного* подходов к действительности, к конструированию пропасти между естественно-научным и гуманитарным познанием.

Интересно отметить, что в то время как некоторые философы настаивали на устранении ценностей не только из естественных, но даже из гуманитарных наук, сами представители естествознания, не колеблясь, признавали важную роль ценностей даже в физическом знании. Так, физик М. Планк считал поразительным тот факт, что понятие ценности совершенно не употребляется в методологии науки: «... значение физической идеи только при учете ее ценности может быть полностью исчерпано»⁵. «Я не вижу, – писал другой известный физик В. Гейзенберг, – чтобы в той части современного мира, в которой, как кажется, совершаются наиболее сильные движения, а именно в естествознании, движение уводило прочь от идей и ценностей. Напротив, это истолкование через идеи и ценности практикуется с большей интенсивностью, только в каком-то более глубоком слое»⁶.

Слово «ценность» иногда употребляется в том же смысле, что и понятие «положительная ценность», или «добро». Иногда же понятию «ценность» придается более широкий смысл и проводится различие между позитивными (положительными) и негативными (отрицательными) ценностями. Первые совпадают с добром, вторые – со злом, первые являются предме-

том положительного интереса, желания и т. п., вторые – отрицательного. Это употребление характерно для работ по этике и теории ценностей.

Мы употребляем далее слово «ценность» таким образом, что оно охватывает не только положительные ценности, но и отрицательные и нейтральные (нулевые). Операция оценивания является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее предметом. Очевидно, что это ценностное отношение имеет место как в том случае, когда предмет оказывается объектом положительного или отрицательного интереса субъекта, так и в том, когда данный предмет исключается субъектом из сферы своих интересов, когда ему приписывается субъектом нулевая ценность.

Иногда «ценность» употребляется нами для обозначения положительной ценности, или добра. Случаи такого употребления очевидны из контекста.

Центральный момент всякого рассуждения о ценностях – это определение самого понятия ценности. Как раз этот момент чаще всего остается в тени, и разговор ведется так, как если бы каждому было заранее известно, что представляют собой ценности и чем суждение ценности отличается от описания. Такой разговор неизбежно оказывается до крайности аморфным и бездоказательным.

Отсутствию интереса к прояснению понятия ценности во многом способствует распространенное, но являющееся ошибочным, на наш взгляд, убеждение, что абсолютные оценки, формулируемые в терминах «лучше», «хуже» и «равноценно», сводимы к сравнительным оценкам, выражаемым с помощью понятий «лучше», «равноценно», «хуже». Никаких адекватных определений абсолютных оценочных категорий в терминах сравнительных категорий до сих пор предложено не было. В дальнейшем эта тема будет рассмотрена подробнее, но уже сейчас можно отметить, что ни с одним из предлагавшихся определений «хорошо» в терминах «лучше» логика абсолютных оценок не может быть получена в рамках логики сравнительных оценок. А это означает крах всего предприятия редукции абсолютных оценочных понятий к сравнительным. «Лучше» не фундаментальнее «хорошо».

Несводимость абсолютных понятий к сравнительным очевидна в случае временных оценок: временной ряд «было – есть – будет» не сводим к временному ряду «раньше – одновременно – позже». «Было» не может быть определено в терминах «раньше», и наоборот. Точно так же обстоит дело с определениями абсолютных оценочных понятий в терминах сравнительных оценочных понятий.

Можно сформулировать общий принцип: абсолютные категории несводимы к сравнительным, и наоборот. Этот принцип справедлив применительно ко всем видам абсолютных и сравнительных категорий: временным, оценочным и др. Основание данного ограничительного принципа простое: бытие не сводится к становлению, и, соответственно, категории, служащие для описания бытия, не могут быть сведены к категориям, описывающим становление.

Однако предрассудок, будто сравнительные категории фундаментальнее абсолютных, настолько силен, что иногда «хорошо» включается в оценочные категории как некая не особенно интересная и не особенно важная разновидность предпочтения («лучше»). Так поступает, например, П. МакНамара уже в начале своей фундаментальной статьи о предпочтениях, опубликованной в «Стэнфордской энциклопедии философии»⁷. Сходным образом трактуют соотношение абсолютных и сравнительных оценочных категорий авторы книг «Предпочтения» (1998), «Темы современной философии» (2006) и др.⁸ В конечном счете оказывается, что для самостоятельной логики «добра» не остается места, поскольку оно занято логикой «лучше». Это, конечно же, недоразумение.

С отсутствием строгого определения ценности связано и нередкое чрезмерно расширительное истолкование ценностных суждений, в частности отождествление результата любого акта суждения с ценностным суждением. Это имеет место тогда, когда ценность трактуется

чисто количественно или в качестве ценностного рассматривают суждение о любом свойстве, например суждение о цвете.

Трудности, связанные с определением ценностных суждений, являются обычным предлогом для того, чтобы объявить их ненадежными и нестрогими и усомниться в правомерности их употребления в науке.

Классическое и неклассическое определения ценности

Для понятия «ценность» характерна явно выраженная многозначность. Ценностью может называться любой из тех трех элементов, из которых обычно складывается ситуация оценивания: *оцениваемый предмет; социальный образец*, нередко лежащий в основе оценки; *отношение соответствия* оцениваемого объекта утверждению о том, каким он должен быть.

Например, если человек спасает утопающего, ценностью может считаться или само действие спасения; или тот идеал, который требует приходить на помощь человеку, терпящему бедствие; или, наконец, соответствие ситуации подразумеваемому или формулируемому эксплицитно принципу, что тонущего следует спасать.

Истолкование ценности как *свойства* оцениваемых объектов или как того образца, на основе которого выносится оценка, можно назвать *классическим*. Это истолкование безраздельно доминировало в мышлении Нового времени. И сейчас еще, как бы по инерции, большинство предлагаемых определений ценности ориентируется именно на первые два значения. Ценностью объявляется предмет некоторого желания, стремления и т. п. (объект, значимый для человека или группы лиц) или же тот образец, на который опирается оценка.

Как писал в 20-е гг. прошлого века Р.Б. Перри: «Ценность – любой предмет любого интереса»⁹. Я.Ф. Фриз, И.Ф. Гербарт и особенно Г. Лотце, введшие в широкий философский оборот понятие ценности, понимали под ценностями те социальные по своему происхождению образцы, на которые зачастую, но отнюдь не всегда опираются выносимые оценки. Отождествление ценностей с образцами было характерно и для Г. Риккерта, попытавшегося развить философию как науку об общезначимых («трансцендентальных») социальных образцах, или ценностях. Использование понятия ценности в смысле устойчивого, общеобразовательного идеала или образца, на основе которого выносятся конкретные оценки, характерно для аксиологии А. фон Мейнонга, этических теорий М. Шелера, Н. Гартмана, А. Гильдебранда и др. Обычные в аксиологии рассуждения об особом «мире ценностей», отнесение к ценностям истины, добра и красоты и т. п. правомерны лишь при понимании ценностей как образцов.

Вместе с тем такое понимание основательно искажает и запутывает проблему ценностей. Прежде всего, большинство реальных оценок не опираются на какие-либо образцы; для многих объектов устоявшиеся образцы их оценки просто отсутствуют. Ценности не существуют вне ситуации (реального или потенциального) оценивания, так же как истинность невозможна вне описания реальности. Далее, в каждой новой ситуации человек не только оценивает, но и уточняет, конкретизирует или пересматривает тот образец, на основе которого принято выносить оценочное суждение о рассматриваемых объектах. Сами образцы формируются в процессе оценивания и являются всего лишь своеобразным экстрактом из него. Если бы это было не так, невозможно было бы понять, откуда появляются образцы и почему они изменяются со временем. Рассуждения об особом «мире ценностей», о «трансцендентальных социальных образцах», о критическом исследовании неких «общеобязательных ценностей», по-разному проявляющихся в разные эпохи, и т. п. – результат отрыва ценностей от реальных процессов оценивания, в ходе которых они формируются и изменяются. Отождествление ценностей с образцами оценок затемняет параллель между истиной и ценностью как двумя противоположно направленными способами сопоставления мысли и действительности и представляет ценности не как выражения человеческой воли и способности к целерациональному, в смысле М. Вебера, действию, а как некое абстрактное, априорное условие практики преобразования мира. Можно говорить об особом «мире образцов», но лишь предполагая, что он является

только надстройкой над человеческой деятельностью и тем реальным оцениванием, без которого невозможна последняя.

Понимание ценностей как образцов оценивания нередко используется в философской теории ценностей (аксиологии), в социологии и почти во всех общетеоретических рассуждениях о ценностях. В этом смысле говорят об «этических ценностях» (моральные добродетели, сострадание, любовь к ближнему и т. п.), «эстетических ценностях», «ценностях культуры»: гуманизм, демократия, автономия и суверенитет индивида и т. д.

В неклассическом мышлении, начавшем формироваться в начале XX в., понимание ценностей постепенно становится принципиально иным. Ценность истолковывается уже не как *свойство* оцениваемых предметов или образцов оценивания, а как *отношение*, а именно отношение между оцениваемым объектом и утверждением о том, каким должен быть этот объект.

Различие между свойством и отношением является принципиальным. Свойство всегда предполагает один объект: тот предмет, которому оно принадлежит; отношение требует по меньшей мере двух объектов, между которыми оно существует. Ценность как свойство может принадлежать предмету (состоянию, процессу), взятому самому по себе, независимо от того, оценивается этот предмет каким-то субъектом или нет. Классически понимаемые ценности могут существовать независимо от того, имеются ли субъекты, формулирующие какие-то оценки, или таких субъектов нет. Это, можно сказать, «ценности без оценок», ценности, способные существовать в «пространстве без субъекта». В неклассическом понимании ценность представляет собой отношение и требует для своего существования не только оцениваемого предмета, но и субъектов, формулирующих свои оценки. Строго говоря, понятие «ценностное отношение» может использоваться только при неклассическом истолковании ценности как отношения.

Одним из первых истолковал «добро» не как свойство оцениваемых объектов, а как отношение между объектом и мыслью о нем Дж. Мур¹⁰. В дальнейшем неклассического определения ценностей придерживались Б. Рассел, Л. Витгенштейн, К.И. Льюис и др.¹¹ В отечественной литературе неклассическое определение ценностей развивается О.Г. Дробницким¹², А.А. Ивиным¹³, В.В. Бычковым¹⁴, И.П. Никитиной¹⁵ и др.

Ценность как отношение соответствия объекта представлению о нем является противоположностью истины как отношения соответствия представления объекту. Истинностное отношение между мыслью и объектом находит свое выражение в описаниях, ценностное отношение – в оценках. В случае первого отношения отправным пунктом сопоставления утверждения и объекта является объект, в случае второго отношения таким пунктом служит утверждение. Если описательное утверждение не соответствует своему объекту, должно быть изменено описание, а не его объект; в случае отсутствия соответствия между оценочным утверждением и его объектом изменению подлежит объект, а не его оценка¹⁶.

Допустим, сопоставляются некоторый дом и его план. Если за исходное принимается дом, можно сказать, что план, соответствующий дому, является истинным; в случае несоответствия плана дому усовершенствован должен быть план, а не дом. Но когда за исходное принимается план (скажем, план архитектора), можно сказать, что дом, отвечающий плану, является хорошим, т. е. таким, каким он должен быть; если дом не отвечает плану, усовершенствованию подлежит дом, а не план.

Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми существует масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки имеются многие разновидности и описаний, и оценок. Чистые описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно-оценочный характер. Все это должно, разумеется, учитываться при изучении множества «языковых игр», или способов употребления языка. Но нужно учитывать и то, что всякий более тонкий анализ употреблений

языка движется в рамках исходного и фундаментального противопоставления описаний и оценок и является всего лишь его детализацией. Она полезна, по всей вероятности, в лингвистике, но лишена, скорее всего, интереса в логике.

Будем проводить различие между *утверждаемыми* и *неутверждаемыми* языковыми выражениями, имеющими форму высказываний; неутверждаемое высказывание будем заключать в скобки. Скажем, выражение «этот дом голубой», для которого не указан способ соотнесения его с ситуацией («способ утверждения»), не является ни описанием, ни оценкой, ни вопросом. Оно представляет собой то содержание или ту основу, из которой может быть получено соответствующее утверждение или вопрос. Существуют три – и только три – способа, с помощью которых можно перейти от не утверждаемого высказывания «[A]» к утверждаемому: «[A]» может стать основой или описания, или оценки, или вопроса: («Да [A]», «![A]» и «?[A]»).

Например, если «[A]» есть основа «Этот дом голубой», из нее путем указания способа соотнесения с действительностью могут быть получены утверждаемые высказывания: «Да [этот дом голубой]», «! [Этот дом голубой]» и «? [Этот дом голубой]». Первое из них представляет собой описание: «Действительность такова, что этот дом голубой»; оно истинно, если дом на самом деле голубой, и ложно в противном случае. Второе является оценкой или командой; оно выполняет проектирующую функцию, намечает перспективу и является сокращенной формой утверждения: «Должно быть так, что этот дом голубой» («Хорошо, что он голубой», «Хорошо было бы, если бы он был голубым» или даже «Сделайте так, чтобы этот дом был голубым!» и т. п.). Если дом на самом деле окажется голубым, он будет соответствовать утверждению и, как таковой, являться позитивно ценным; в случае другого цвета дом, которому следовало быть голубым, будет плохим. И наконец, третье выражение есть вопрос: «Действительно ли этот дом голубой?» или «Должен ли этот дом быть голубым?». Описание «Истинно, что этот дом голубой», оценка «Этот дом должен быть голубым» и вопрос «Этот дом голубой?» совпадают по своей основе и различаются только способом соотнесения с действительностью.

Сходным образом анализируют структуру утверждений многие авторы. В их числе Р. Хеар, Л. Аквист, М. Полани и др. Традиция различать акт (действительного) утверждения и содержание того, что утверждается, восходит к Г. Фреге, введшему специальный «указующий» символ « \vdash ». Сам по себе этот символ не имеет смысла, он служит, подобно восклицательному и вопросительному знакам, для указания (описательного, истинностного) отношения утверждения к действительности.

Утверждение и ситуация, которой оно касается, могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: *описательном* и *оценочном*. В случае первого отправным пунктом сопоставления является ситуация, утверждение выступает как ее описание и характеризуется в терминах понятий «истинно» и «ложно». В случае оценочного отношения исходным является утверждение, функционирующее как стандарт, перспектива, план. Соответствие ему ситуации характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо». Истинным является утверждение, соответствующее описываемой им ситуации. Позитивно ценна ситуация, соответствующая высказанному о ней утверждению, отвечающая предъявляемым к ней требованиям. Иначе говоря, позитивно ценной является такая ситуация, какой она *должна быть* в соответствии с существующим в данном обществе образцом, или стандартом, объектов рассматриваемого рода или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов.

Возможность двух противоположных направлений приспособления утверждения к тому фрагменту действительности, которого оно касается, с особой наглядностью показывается таким примером¹⁷. Предположим, что некий покупатель, снабженный списком, наполняет в универсаме свою тележку указанными в этом списке товарами. Другой человек, наблюдающий за ним, составляет список отобранных им предметов. При выходе из магазина в руках у покупателя и его наблюдателя могут оказаться два одинаковых списка, но эти списки имеют прямо

противоположные функции. Цель списка покупателя в том, чтобы, так сказать, «приспособить мир к словам»; цель списка наблюдателя – «привести слова в согласие с миром». Для покупателя отправным пунктом служит список; мир, преобразованный в соответствии с последним и отвечающий ему, будет позитивно ценным (хорошим). Для наблюдателя исходным является мир; список, соответствующий ему, будет истинным. Различие между противоположными позициями особенно отчетливо проявляется в случае ошибочного действия. Если допускает ошибку покупатель, для ее исправления он предпринимает предметные действия, видоизменяя *плохой*, не отвечающий списку мир. Если ошибается наблюдатель, он вносит изменения в *ложный*, не согласующийся с миром список.

Описание стремится приспособиться к миру, оценка претендует на то, чтобы приспособить мир к себе. Эти задачи противоположны, и они не сводятся друг к другу. Описание мира является выражением способности человека к *созерцанию*, оценка мира – это выражение способности человека к *действию*. Созерцание и действие взаимно дополняют друг друга, ни одна из этих способностей человека не является более важной, чем другая.

Из истории философии известно, что противопоставление описаний и оценок, характерное для неклассического истолкования понятия ценности, довольно часто оказывалось причиной ошибочного отождествления истины и добра. Подобное отождествление допускали, в частности, Платон, Фома Аквинский, Г.В. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель и др., но об этом позже.

Таким образом, с точки зрения неклассического определения ценности истина и ценность представляют собой два противоположных по своему направлению варианта соответствия между мыслью и действительностью¹⁸. Это означает, что категория ценности столь же фундаментальна, как и категория истины. Ценности – неотъемлемый элемент любой деятельности, а значит, и всего человеческого существования. Любая человеческая деятельность, включая научное исследование, неразрывно связана с постановкой целей, следованием нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т. д. Все эти понятия: «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «фундаментальное», «второстепенное» и т. п. – являются ценностными или имеют важное оценочное содержание. Вопрос о соотношении истины и ценности является одним из аспектов более общей проблемы взаимосвязи *созерцания* и *действия*, т. е. *теории* и *практики*. Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга, и ни один из них не может быть сведен к другому или замещен им.

Хотя истина и ценность представляют собой *отношения* между идеями и вещами, в обычном употреблении и истина, и ценность предстают как *свойства*. Один из двух элементов истинностного и ценностного отношения, как правило, опускается. Какой именно, это зависит от исходной точки зрения, цели, ради которой сопоставляются идея и объект. Если целью является *описание*, то не упоминается объект, и истинной считается сама мысль (высказывание). Если цель – *оценка*, абстрагируются от мысли, под которую подводится объект, и ценность приписывается объекту. Именно этими своеобразными абстракциями объясняется обычное убеждение, что истина это свойство мыслей, правильно отображающих реальность, а ценность – свойство самих вещей, отвечающих каким-то целям, намерениям, планам и т. п.

Как правило, эта особенность употребления понятий «истина» и «ценность» не ведет к недоразумениям. Однако при сопоставлении истины и ценности подобных абстракций, сводящих отношения к свойствам, следует избегать.

Тенденция опускать один из элементов истинностного и ценностного отношений и считать истинность свойством высказываний, а ценность – свойством вещей, сказывается на классическом определении ценности. Суть его проста: ценностью объявляется любой предмет любого интереса, желания, стремления и т. п., или, иначе говоря, любой объект, значимый для человека или группы лиц¹⁹.

Если уточнить, что ценность – не свойство самого по себе предмета, а отношение соответствия его мысли (выраженному в языке желанию, стремлению и т. п.), стандартное определение ценности перейдет в определение, названное классическим.

Всякая оценка предполагает, помимо своего предмета и оценивающего субъекта, также определенное *основание*, т. е. то, с точки зрения чего производится оценивание. Нередко основание оценки только подразумевается и не находит явного выражения. Для высказывания, скажем, «Истинно, что этот стол желтый» нет необходимости указывать основание: основания всех описательных высказываний совпадают. В этом смысле они не зависят от точки зрения и являются *интерсубъективными*. Разные оценки могут иметь разные основания, оценочные высказывания принципиально отличаются в этом плане от описательных. Оценка «Хорошо, что этот стол желтый» эллиптическая: она говорит о соответствии стола какой-то цели, идее, не уточняя, однако, последнюю. «Хорошо, что этот стол желтый, так как, имея другой цвет, он не вписывался бы в интерьер» – это полная оценка, формулировка которой включает основание. Она прямо говорит о том, что рассматриваемый стол соответствует определенной идее, а именно имеющейся идее интерьера.

С этим различием оснований описательных и оценочных высказываний связано еще одно их различие. Существуют определенные, социальные по своему происхождению *стандарты* хороших вещей. В этих складывающихся стихийно образцах указываются совокупности эмпирических свойств, которые, как считается, должны быть присущи вещам. Для вещей разных типов стандарты являются разными: свойства, требуемые от хороших молотков, не совпадают со свойствами, ожидаемыми у хороших адвокатов, и т. п. Не имеется, однако, явных стандартов истины. Этим объясняется тот факт, что слово «хороший» может замещать совокупности эмпирических свойств, слово же «истинный» никаких других свойств не замещает. «Истинный молоток» и «истинный адвокат» имеют мало смысла при понимании истины как соответствия мысли действительности.

Слово «истинный» употребляется, как правило, только применительно к высказываниям. Слово «хороший» гораздо более многофункционально. «Хорошо, что снег бел» – это эллиптическая оценка, говорящая о соответствии белого снега какой-то не указанной явно идее. «Хороший снег является белым» – в этом высказывании фиксируется одно из свойств, входящих в стандартное представление о том, каким должен быть «настоящий» снег. «Этот снег хороший» – оценка, основанием которой является «образцовое» представление о снеге, и т. д.

В разговорном языке между истиной и ценностью имеется асимметрия еще в одном аспекте. Установление истинного отношения чаще всего специально не отмечается: просто оказать «Трава зеленая» все равно, что оказать «Истинно, что трава зеленая». Установление ценностного отношения всегда требует особых языковых средств: «Хорошо, что трава зеленая».

Все эти различия между истинностным и ценностным употреблением языковых выражений существенно затемняют параллель, существующую между истиной и ценностью как двумя характеристиками отношения мысли к миру. Затемняют, но отнюдь не разрушают и не устраняют ее.

7. Семантика «добра»

Анализ значений оценочных терминов – важная задача философской семантики. Нельзя, однако, сказать, что в решении этой задачи она добилась больших успехов. Причина этого отчасти в том, что систематическое семантическое исследование оценочного рассуждения началось только недавно, а частично в том, что оценочные понятия ставят перед семантикой проблемы, принципиально отличные от тех, с которыми она сталкивалась раньше.

Далее будет рассмотрен вопрос о значении или значениях «добра»²⁰. Мы будем говорить, как это делается обычно, главным образом о значениях «добра», но рассуждения о «добре» нетрудно обобщить на случай других оценочных понятий²¹.

О чем идет речь в высказывания «А является добром», чему именно приписывается в нем положительная ценность?

Одно время довольно распространенным было убеждение, что оценки являются простыми выражениями внутренних переживаний, подобными произвольным выкрикам, и ничего не говорят ни о предметах, которых они грамматически касаются, ни о психических состояниях людей, высказывающих оценки. Это убеждение всерьез отстаивалось, например, А. Айером²², Р. Карнапом и другими неопозитивистами.

Другим ответом на вопрос о предмете оценок является мнение, что они представляют собой высказывания людей о собственных психических состояниях (эмоциональных, волевых или интеллектуальных), интроспективные суждения, не касающиеся каких-либо внешних объектов.

Еще одна распространенная позиция сводится к утверждению, что субъект, положительно оценивающий А, не вполне адекватно выражает мысль о том, что определенная достаточно устойчивая группа людей считает А добром²³.

В других случаях положительная ценность объявляется свойством самих вещей, не зависящим (подобно весу и химическому составу) от субъекта. При этом иногда утверждается, что свойство предмета быть положительно ценным познается так же, как и все иные свойства, данные в чувственном опыте, а иногда говорится, что оно постигается интуицией. Сама интуиция истолковывается опять-таки по-разному: одними она уподобляется интуиции, открывающей нам математические истины, другими объявляется особой интуицией, служащей специально для усмотрения ценностей.

Этот перечень мнений о том, что выступает в качестве «собственного» предмета оценки «А есть добро», не является исчерпывающим. Но он достаточно наглядно показывает, что философы и этики, обсуждавшие проблему предмета оценки, как правило, игнорировали многообразие форм реальных оценок, сосредоточивали свое внимание на оценках отдельных видов, а выводы, сделанные при этом, некритически распространяли на все оценки. Достаточно, однако, обратить внимание на разнообразие функций, выполняемых такими словами, как «хороший», «плохой», «добро» и «зло», на различия контекстов, в которых могут встречаться эти слова, чтобы понять, что поиски «собственного» предмета всех оценок не способны привести к успеху. Могут оцениваться и фактически оцениваются самые разнородные вещи, и нет оснований думать, что всякая оценка обязательно касается только вещей строго определенного типа.

Слово «оценка» употребляется обычно в трех разных смыслах. Оценка в *узком*, или собственном, смысле – это языковое выражение, устанавливающее ценностное отношение определенного типа между мыслью и действительностью. Оценка в *широком* смысле – языковое выражение, в котором используются такие слова, как «хорошо», «плохо», «безразлично», «лучше», «хуже» и т. п. Оценка в *самом широком* смысле – языковое выражение, подводящее рассмат-

риваемый объект под рубрику некоторой классификации или приписывающее ему некоторое значение в соответствии с принятой шкалой.

При обсуждении семантики «добра» слово «оценка» употребляется в *широком смысле*. При упоминании временных оценок, не содержащих аксиологических категорий, это слово употребляется в самом широком смысле.

Две функции оценочных понятий

Слово «хороший» и многочисленные его заместители в разных контекстах выполняют разные функции. Нас будут интересовать две из них: *функция мотивации* и *функция замещения*.

Ранее для обозначения функции мотивации в работах автора по семантике добра использовался широкий и потому не вполне адекватный термин «функция выражения»²⁴. Поскольку в случае оценок в широком смысле слова речь идет не просто о выражении каких-то состояний души субъекта или его чувств, а о *волевых установках* субъекта, его мотивах, намерениях и т. п., необходимо ввести новый, более точный термин. В качестве такого термина далее используется понятие *функция мотивации*. Это понятие обозначает примерно то же, что и «функция воления», «функция побуждения» и т. п.

Понятие «функция мотивации» представляется удачным, в частности, и потому, что им охватываются не только оценки, включающие аксиологические категории, но и тяготеющие к оценкам нормы, декларации, обещания, постулаты и т. п.

Понятие *мотивации* представляется современному человеку чем-то само собою разумеющимся. Но на самом деле оно сравнительно недавнего происхождения. Полезен поэтому небольшой исторический экскурс, поясняющий это понятие и связанное с ним понятие *воление* (волевого устремления).

Понятие «мотивация» впервые ввел в употребление в начале XIX в. А. Шопенгауэр в своей докторской диссертации, посвященной четырем возможным интерпретациям хорошо известного из традиционной логики «закона достаточного основания».

Данный закон требует обоснованности всякого знания. Это – одно из основных положений эпистемологии. Однако требование обоснованности не является логическим законом с точки зрения современной (математической, символической) логики: оно имеет к логике такое же отношение, как к психологии, физике или любой другой области знания. «Закон достаточного основания вообще не является принципом логики – ни основным, ни второстепенным. Он требует, чтобы ничто не принималось просто так, на веру. В случае каждого утверждения следует указывать основания, в силу которых оно считается истинным. Разумеется, это никакой не закон логики»²⁵.

Шопенгауэр так поясняет понятия воления и мотивации: «Исходя из познания, можно сказать, что «Я познаю» – аналитическое суждение, напротив, «Я волю» – синтетическое суждение, притом суждение а posteriori, а именно данное опытом, здесь – внутренним опытом (т. е. только во времени). В этом смысле, следовательно, субъект воления был бы для нас объектом. Глядя внутрь себя, мы всегда находим себя *волящими*. Однако воля имеет много степеней от едва выраженного желания до страсти...»²⁶ Тождество субъекта воления и познающего субъекта, благодаря которому (причем необходимо) слово «Я» включает в себя и обозначает то и другое, – это узел мира, и потому оно необъяснимо. Действительное тождество познающего и познанного в качестве волящего, следовательно, субъекта с объектом дано непосредственно. «...Субъект воления, – продолжает Шопенгауэр в следующем, таком же коротком параграфе, – дан самосознанию непосредственно, невозможно дальнейшее определение или описание того, что такое воление; это – самое непосредственное из всех наших познаний, притом такое, непосредственность которого должна в конечном счете озарить светом все остальные, весьма опосредствованные. При каждом воспринятом нами решении, как других людей,

так и собственного, мы считаем себя вправе спросить: почему? – т. е. мы предполагаем, что этому решению необходимо предшествовало нечто, из чего оно последовало и что мы называем основанием, точнее, мотивом последовавшего теперь действия. Без мотива действие для нас так же немисливо, как движение неодушевленного тела без толчка или тяги. Тем самым мотив относится к причинам; он уже причислен к ним и охарактеризован как третья форма каузальности...»²⁷. Вся каузальность – только форма закона основания в мире тел, данных внешнему созерцанию. Там она – связь изменений между собой, так как причина служит входящим извне условием каждого процесса. Внутренняя сторона таких процессов остается для нас тайной, ибо мы всегда пребываем вне их. Мы видим, что данная причина с необходимостью влечет за собой такое действие, однако, как она достигает этого, что при этом происходит внутри, мы не узнаем. Мы видим, что механические, физические, химические действия, а также действия, вызванные раздражением, каждый раз следуют за соответствующими причинами, но никогда полностью не понимаем сущности процесса. Главное остается для нас тайной; мы приписываем его свойствам тел, силам природы, а также жизненной силе, но все это лишь отговорки. Наше понимание движений и действий животных и людей также воспринимается нами как необъяснимым образом вызванное их причинами (мотивами). Мы знаем на основании своего внутреннего опыта, что это – акт воли, который вызывается мотивом, заключающимся только в представлении. «Следовательно, воздействие мотива познается нами не только извне и поэтому только опосредствованно, как все другие причины, а одновременно и изнутри, совершенно непосредственно и поэтому во всей его силе. Здесь мы как бы стоим за кулисами и проникаем в тайну, как причина своим сокровеннейшим существом вызывает действие, ибо здесь мы познаем совсем иным путем и поэтому совсем иным образом. Из этого следует важное положение: *мотивация – это каузальность, видимая изнутри*. Каузальность выступает здесь совсем иным образом, в совершенно иной среде, для совершенно иного рода познания: поэтому в ней следует видеть совершенно особую форму нашего закона, который предстает здесь как *закон достаточного основания действия ... короче, как закон мотивации*»²⁸.

Это разъяснение Шопенгауэром оснований введения им понятия мотива и даже особого «закона мотивации» позволяет прояснить, что имеется в виду при употреблении понятия «функция мотивации». Шопенгауэр дает ясную характеристику этой функции. Вполне понятный недостаток этого описания – в его излишней метафоричности. Определение мотивации как «каузальности, обращенной внутрь» является, скорее всего, указанием на то, что мотивы – это особые, внутренние побудительные стимулы человеческой деятельности, «внутренние ее причины», но не причины в собственном смысле слова. Последние можно было бы назвать, в стиле Шопенгауэра, «каузальностью, видимой извне». Вряд ли разумно настаивать, как это делает Шопенгауэр, что воление не просто не является определяемым, но оно даже невыразимо.

Полемика по поводу того, являются ли внутренние состояния сознания человека причинами в обычном смысле этого слова, развернулась, однако, только во второй половине прошлого века. Большинство споривших заняло позицию, внутренне близкую точке зрения Шопенгауэра.

Обычное употребление предложений типа «Это вкусное яблоко», «Мне нравится эта картина», «Я люблю музыку Баха», «Поведение этих людей возмущает меня» и т. п. – это употребление их для выражения определенных психических и волевых состояний. Чувства удовлетворения и неудовольствия, наслаждения и страдания, желания, стремления, предпочтения и т. д. могут выражаться не только с помощью таких слов, как «нравится», «люблю», «возмущен», «ненавижу» и т. п., но и с помощью наиболее общих оценочных понятий. Человек может утверждать о яблоке, что оно является хорошим, подразумевая, что яблоко доставляет ему удовольствие своим вкусом; он может назвать поведение некоторых людей плохим, желая выразить чувство возмущения, вызываемое у него этим поведением, и т. д. С другой стороны, мотивационные и волевые состояния могут выражаться и с помощью предложений, вообще

не содержащих оценочных терминов. Одобрение и порицание, положительная и отрицательная реакция на ту или иную вещь или событие нередко могут быть выражены даже жестами, мимикой, восклицаниями и т. п.

Оценочные термины могут использоваться не только для выражения разнообразных мотивов или направлений воли, но и для замещения тех или иных совокупностей эмпирических свойств. Обычное употребление предложений типа «Это хороший нож», «Автомобили такой-то марки являются плохими», «В олимпиадах участвуют хорошие бегуны», «Аспирин – прекрасное лекарство» и т. п. – это употребление их с намерением указать, что рассматриваемые предметы обладают вполне определенными свойствами: являются острыми, имеют малую или большую скорость, излечивают какие-то болезни и т. д.

Множества свойств, которые могут представляться словами «хороший», «плохой», «безразличный» и т. п., очень разнородны. Когда мы говорим, что Александр Македонский был блестящим полководцем, мы приписываем ему такие свойства, как умение одержать победу над численно превосходящим противником, нестандартность решений, принимаемых в ходе сражения, способность выделить главное направление борьбы и т. п. Утверждая о Чехове, что он являлся хорошим врачом, мы подразумеваем, что он умел поставить правильный диагноз, назначить необходимые лекарства, всегда был готов отправиться на помощь больному и т. д. Говоря об автомобиле, что он хорош, мы указываем, что данный автомобиль имеет все признаки, свойственные автомобилям (т. е. имеет колеса, руль, мотор, кузов и т. д.), и, сверх того, превосходит в каких-то своих характеристиках иные автомобили. Оценка «Это хороший нож» означает, что данный нож имеет определенные части и успешно справляется со своими задачами.

Термины «хороший» и «плохой», высказываемые в вещах разных типов, говорят о наличии у этих вещей разных свойств. Более того, «хороший» и «плохой», высказываемые о вещах одного и того же типа, но в разное время, иногда замещают разные или даже несовместимые друг с другом множества свойств.

Современники Александра Македонского, называвшие его «хорошим военачальником», имели, конечно, в виду и то, что Александр Македонский отличался незаурядной личной отвагой. Но уже ко времени Наполеона характер войны настолько изменялся, что личная смелость перестала быть необходимым достоинством крупного военачальника. Наполеон мог бы быть назван «хорошим полководцем» даже в том случае, если бы он старательно избегал грозившей ему лично опасности.

С другой стороны, неотъемлемой чертой хорошего современного военачальника является умение ввести противника в заблуждение, нанести ему неожиданный удар и т. п. Хороший римский полководец отличался, однако, как раз обратными свойствами: он не устраивал притворного бегства, не наносил неожиданных ударов и т. д.

Слова «хороший», «плохой», «лучший», «худший» и т. п., выполняющие функцию замещения, характеризуют отношение оцениваемых вещей к определенным *образцам* или *стандартам*. В этих складывающихся стихийно стандартах указываются совокупности эмпирических свойств, которые, как считается, должны быть присущи вещам. Для вещей разных типов существуют разные стандарты: свойства, требуемые от хороших молотков, не совпадают со свойствами, ожидаемыми у хороших полководцев, и т. п. Стандартные представления о том, какими должны быть вещи определенного типа, не остаются неизменными с течением времени: хороший римский военачальник вполне может оказаться плохим современным полководцем, и наоборот.

Для отдельных типов вещей имеются очень ясные стандарты. Это позволяет однозначно указать, какие именно свойства должна иметь вещь данного типа, чтобы ее можно было назвать хорошей. В частности, М. Оссовская указывает, что приближение некоторого предмета к образцу так явно зависит от наличия у этого предмета определенных свойств, что высказывае-

мое о нем слово «хороший» прямо означает эти свойства. Например, способность давать высокий урожай столь очевидно относится к условиям, которым должна удовлетворять хорошая земля, что выражение «хорошая земля» попросту означает то же, что и «урожайная земля». Сходно, «хорошая семья» означает обычно то же, что и «семья, живущая в согласии», «хороший друг» – то же, что и «друг, на которого можно положиться» и т. д.²⁹ В случае других вещей стандарты расплывчаты и трудно определить какие именно эмпирические свойства приписываются этим вещам, когда утверждается, что они хороши. Легко сказать, например, какие свойства имеет хороший нож для рубки мяса или хорошая корова, сложнее определить, что человек понимает под хорошим домом или хорошим автомобилем, и совсем трудно вне контекста решить, какой смысл вкладывается в выражение «хороший поступок» или «хорошая шутка».

Для вещей отдельных видов вообще не существует сколько-нибудь определенных стандартов. С ножами, адвокатами, докторами и шутками приходится сталкиваться довольно часто, их функции сравнительно ясны и сложились устойчивые представления о том, чего следует ожидать от хорошего ножа, доктора и т. д. Хороший нож – это такой нож, каким он должен быть. Для пояснения того, каким должен быть нож, можно назвать несколько свойств из числа входящих в устоявшееся представление о хорошем ноже. Но что представляет собой хорошая планета? Сказать, что это такая планета, какой она должна быть, значит, ничего не сказать. Для планет не существует стандарта или образца, сопоставление с которым помогло бы решить, является ли рассматриваемая планета хорошей или нет.

Две функции, характерные для оценочных терминов (функция мотивации и функция замещения), независимы друг от друга. Слова «хороший», «плохой», «лучший» и т. п. могут иногда использоваться лишь для выражения определенных состояний сознания оценивающего субъекта, а иногда только для указания отношения оцениваемого предмета к некоторому стандарту. Нередко, однако, эти слова употребляются таким образом, что ими выполняются обе указанные функции.

Высказываниями, подобными «А является грубым человеком», «В – хороший отец», «С – наглый лгун», не только описывается поведение людей А, В и С, но и выражаются определенные побуждения, или мотивы, вызываемые этим поведением. Большим упрощением было бы объявлять эти высказывания чистыми описаниями и отождествлять их с фактическими утверждениями. Ошибкой было бы и заключение, что эти и подобные им высказывания только выражают субъективные мотивы и ничего не описывают. В частности, Э. Томас пишет, что, называя человека сильным, мы прежде всего описываем его; этого сильного человека мы можем оценить, а можем и не оценивать. Но если мы говорим о человеке, что он груб, то ни описание, ни оценка не являются строго первичными, «грубый» – это оценочное слово с фактической ссылкой³⁰. Предложение «С – лжец», как оно употребляется обычно, является описательным в двояком смысле: оно указывает, что высказывания субъекта С, как правило, не соответствуют фактам; оно говорит, кроме того, что это несоответствие можно квалифицировать, пользуясь существующими стандартами, как ложь, а С назвать лжецом. Этим же предложением выражается также осуждение двоякого рода: субъективное неодобрение поведения С человеком, называющем С лжецом, и порицание поведения С, группой людей, к которой относятся говорящий и которой принадлежат используемые им стандарты.

Возможность употребления оценочных понятий для указания степени приближения рассматриваемой вещи к определенному стандарту допускалась многими философами и этиками. Она упоминалась, в частности, Л. Витгенштейном, М. Оссовской, Г.Х. фон Вригтом. Витгенштейн проводил, в частности, различие между двумя смыслами слова «хороший»: описательным и абсолютным (он называл их также обыденным и этическим соответственно). Быть хорошим в относительном смысле – значит приближаться к определенному существующему стандарту. Например, стул является хорошим, если он служит заранее определенной цели, и слово «хороший» в выражении «хороший стул» осмысленно постольку, поскольку эта

цель предварительно зафиксирована. Хороший пианист – это пианист, способный исполнять отрывки определенной трудности; правильная дорога – это дорога, ведущая к заданной цели, и т. п. Высказывания об относительных ценностях являются, по мысли Витгенштейна, фактическими. Их можно сформулировать так, что они потеряют всякую видимость оценочных суждений. Например, высказывание «этот человек хороший бегун» можно заменить утверждением, что данный человек пробегает определенную дистанцию за определенное время. Иначе обстоит дело с высказываниями об абсолютных ценностях, или с этическими высказываниями. Они не являются фактическими и не следуют из фактических высказываний. «Если бы кто-то оказался всеведущим и изложил в одной книге все свои знания о движениях всех тел во вселенной и состояниях умов всех людей, то в этой книге не было бы ничего, что можно было бы назвать этическим суждением или что имплицировало бы этическое суждение»³¹. Оссовская пишет, что когда мы говорим о ком-то, что он является хорошим врачом, хорошим теннисистом, хорошим судьей, лучшим, чем кто-то иной, шашкистом или скрипачом, мы имеем в виду приближение этого человека к определенному образцу: образцу врача, скрипача и т. д. Такое употребление слов «хороший» и «плохой» не ограничивается людьми, оно относится также к животным, орудиям труда и т. п. (об этом говорят такие, например, высказывания: «Хороший дворовый пес должен быть злым», «Хороший доклад должен быть коротким», «Хороший нож должен быть острым» и т. п.). Оссовская отмечает также, что когда мы хвалим некоторое орудие труда, значение слова «хороший» сливается со значением оборота «служит для такой-то цели»: орудие соответствует своему образцу, только если оно справляется с целью, для выполнения которой оно было создано³².

Нужно признать тем не менее, что философы и этики, увлеченные поисками таинственного собственно морального смысла «хорошего», «плохого» и подобных понятий, постоянно недооценивали способность этих понятий замещать множества эмпирических свойств и не придавали должного значения исследованию ее роли в моральном рассуждении. Те же, кто считал все оценки только выражениями чувств, просто игнорировали функцию замещения.

Одним из следствий недооценки функции замещения является почти полная неисследованность понятия образца или стандарта, необходимого для анализа этой функции.

Для наших целей важно отметить, что стандарт, касающийся предметов определенного типа, обычно учитывает типичную функцию предметов этого типа. Помимо *функциональных характеристик* стандарт может включать также некоторые *морфологические характеристики*.

Например, никакой молоток не может быть назван хорошим, если с его помощью нельзя забивать гвозди, т. е. если он не способен справиться с одной из тех задач, ради выполнения которых он был создан. Молоток не будет также хорошим, если он, позволяя забивать гвозди, имеет все-таки совсем плохую рукоятку.

Стандарты для вещей других типов могут не содержать морфологических характеристик. Таковы, в частности, стандарты, имеющиеся для врачей, адвокатов и т. п.

Проведение ясного различия между двумя принципиально разными функциями оценочных понятий позволяет объяснить многие странные на первый взгляд особенности употребления этих понятий.

Слово «хороший» может высказываться об очень широком круге вещей: хорошими могут быть и ножи, и адвокаты, и доктора, и шутки и т. д. Разнородность класса хороших вещей заметил еще Аристотель³³. Он использовал ее как довод против утверждения Платона о существовании общей идеи добра. Хорошими могут быть вещи столь широкого и столь неоднородного класса, что трудно ожидать наличия у каждой из них некоторого общего качества, обозначаемого словом «хорошее».

Факт необычайной широты множества хороших вещей несомненен. Ему придается важное значение как семантиками, так и этиками³⁴. Иногда проводится различие между разнооб-

разием вещей, о которых можно сказать, что они хороши, и разнообразием смыслов, которые имеет слово «хороший», когда оно высказывается о разных вещах. Г. фон Райт пишет в этой связи: «То, что и вина, и плотники, и голоса могут быть хорошими, является примером того, сколь разными могут быть хорошие вещи. То, что “хороший” иногда означает “приятный на вкус”, иногда “искусный”, а иногда “целебный”, является примером того, как разнообразны формы “добра”. Аристотель не приводил ясного различия между этими двумя видами разнообразия. Его довод против общей идеи добра основывается на разнообразии хороших вещей, а не на разнообразии форм слова “хороший”. Очевидно, однако, что первое разнообразие является производным относительно второго. Не разнородность множества хороших вещей является причиной того, что существует много разных форм слова “хороший”, а многообразие форм “хорошего” обуславливает то, что крайне несходные по своему типу вещи могут быть хорошими»³⁵.

Понятие функции замещения дает возможность объяснить как этот факт, так и разнообразие смыслов, которые может иметь слово «хороший». Универсальность множества хороших вещей объясняется своеобразием функций, выполняемых словом «хороший». Оно не обозначает никакого фиксированного эмпирического свойства (или свойств). Им представляются *совокупности таких свойств* и при этом таким образом, что в случае разных типов вещей эти совокупности являются разными. «Красным», «тяжелым» и т. п. может быть названо лишь то, что имеет вполне определенные свойства; приложимость «хорошего» не ограничена никакими конкретными свойствами. Все это справедливо и для другой функции слова «хороший» – функции мотивации.

Положению об универсальной приложимости термина «хороший» и нефиксированности замещаемых им свойств придавались самые разнообразные формулировки. Аристотель говорил об омонимичности этого термина, схоласты – о его трансцендентальной природе, Е. Холл называл его «псевдопредикатом», Д. Эрмсон – «ярлыком», Р. Гартман – «универсальным аксиологическим квантором», семантики – «синкатегорематическим термином» и т. д. Введение понятия функции замещения позволяет придать ясный смысл всем этим характеристикам свойств термина «хороший».

«Ценность, – пишет Холл, – не есть ни простое, ни сложное качество. Она не является ни отношением, ни свойством. Сама по себе она, в отличие от желтизны и одновременности, не имеет никакой положительной природы. Ценность есть способ, каким могут быть связаны вместе свойства в мире. Лингвистически она не является десигнатом предиката какой угодно степени»³⁶. И в другом месте: «...термин “хороший” не отсылает к некоторому свойству. Этот термин представляет собой псевдопредикат, и содержащие его предложения должны преобразовываться в оценки, имеющие в качестве своих предикатов свойства, служащие специфическим объектом оценки»³⁷.

«Слово “хороший”, заключает Урмсон, – является сортирующим ярлыком, применимым во многих разных типах контекстов, но с разными критериями его употребления в каждом контексте»³⁸.

Логическую природу «хорошего» Гартман видит в том, что это слово является переменной³⁹.

«Значение “хорошего”, – говорит Д. Катц, – является функцией, определенной на других значениях, а не на независимом свойстве. Вне связи с концептуальным содержанием других слов и выражений значение “хорошего” не имеет смысла. Так как оно, взятое само по себе, не может выступать в качестве полного понятия, мы будем говорить, что это значение является *синкатегорематическим*»⁴⁰. Катц отмечает также, что значение «хорошего» не может быть описано теми семантическими теориями значения, которые (подобно теориям Г. Фреге, Р.

Карнапа и У. Куайна) ограничиваются характеристиками значений, взятых в изоляции друг от друга слов и выражений.

Парадокс Мура

Д. Мур считал, что слово «хороший» (good), в отличие от слов, подобных слову «желтый», указывает на наличие у хороших вещей некоторого «внеестественного» свойства. Это свойство не существует ни фактически, наряду с естественными свойствами, ни в какой-то сверхчувственной реальности. Оно постигается не обычными чувствами, а интуицией, результаты которой являются обоснованными, но не допускают доказательства. Мур полагал также, что все утверждения о добре истинны, независимо от природы мира⁴¹.

Если пренебречь тем, что Мур говорит о некотором специфическом употреблении «хорошего» и «добра», характерном, по его мнению, для моральных суждений, то приведенные положения о «внеестественности» и т. п. добра можно истолковать таким образом.

Свойство «быть хорошим» является «внеестественным» в том отношении, что оно не существует наряду с иными естественными свойствами. Вещи являются хорошими не потому, что они имеют особое свойство «добро», а в силу того, что этим вещам присущи определенные естественные свойства и существуют социальные по своему происхождению стандарты того, какими именно свойствами должны обладать вещи. Слово «хороший» является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественного свойства.

Свойство «быть добром» не относится к какой-то сверхчувственной реальности. Смысл, в котором оно существует, отличается от смысла, в каком существуют свойства, подобные весу и химическому составу тел. Но можно тем не менее утверждать, что добро является фактическим свойством. Оно познается обычными чувствами, и его познание сводится к установлению соответствия между свойствами реальных вещей и свойствами, требуемыми от этих вещей относящимися к ним стандартами. Неверным поэтому является как утверждение Мура об интуитивном характере постижения добра, так и его положение об аналитической истинности высказываний о добре.

В более поздних своих работах Мур высказывает следующие два положения о добре⁴²:

- (1) добро зависят только от внутренних (естественных) свойств вещи,
- (2) но само оно не является внутренним свойством.

Иными словами, является ли определенная вещь хорошей, зависит исключительно от естественных, или описательных, свойств вещи, но слово «хороший» не описывает эту вещь.

Эти положения кажутся на первый взгляд парадоксальными⁴³, но в действительности они дают точную характеристику «добра» («хорошего»). Слово «хороший» ничего не описывает в том смысле, в каком описывают такие слова, как «желтый», «тяжелый» и т. п. Но то, что та или иная конкретная вещь является хорошей, определяется ее фактическими или описательными свойствами. Мур, однако, не вполне прав, утверждая, что добро зависит только от естественных свойств вещи. Оно зависит в равной мере и от существования стандартов, касающихся вещей рассматриваемого типа.

Оценки, в которых термины «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже» и т. п. выполняют только функцию замещения, *могут быть истинными или ложными*. Процесс установления их истинностного значения состоит в сопоставлении свойств оцениваемого предмета со стандартом, касающимся вещей этого типа.

Например, высказывание «это хороший нож» истинно в том случае, когда рассматриваемый нож имеет морфологические и функциональные характеристики, требуемые стандартом ножей данного типа. Высказывание «А – хороший адвокат» истинно, если А является адвокатом и успешно справляется с требованиями, предъявляемыми обычно к адвокатам.

В стандартном представлении о том, какими должны быть предметы определенного типа, указываются морфологические, функциональные или иные признаки, ожидаемые от предме-

тов данного типа. Стандарт, стоящий за тем или иным употреблением слов «хороший», «плохой» и т. п., может не быть ясным. В этом случае оценочные слова не имеют ясного значения и трудно решить, какая именно совокупность признаков замещается ими.

Для вещей многих типов не существует стандартов. Утверждения, что эти вещи являются хорошими или что они являются плохими, не имеют смысла. Естественно, что эти утверждения не имеют также истинностного значения.

Неясность многих стандартов и отсутствие устоявшихся представлений о том, какими должны быть вещи некоторых типов, не означает, конечно, что все оценки с точки зрения стандартов лишены истинностного значения.

Оценки, в которых слова «хороший», «плохой», «лучший», «худший» и т. д. выполняют только функцию мотивации, не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не описывают и ничего не утверждают, являясь всего лишь словесными выражениями определенных мотивов, или волений.

8. Об одной старой философской ошибке

Здесь нет возможности особенно задерживаться на исторических деталях, связанных с классическим и неклассическим истолкованиями ценностей. Отметим только два обстоятельства.

Хотя принято говорить, что ценности были введены в философию только в конце XIX в., а аксиология как особая ветвь философии сложилась позднее всех других ветвей последней, тема ценностей столь же стара, как и сама философия. Рассуждения Сократа и Платона о добре, или благе, о справедливости и т. п. – все это проблемы философской теории ценностей, или аксиологии.

Определение ценности как того образца, которому должен соответствовать оцениваемый объект, с момента своего возникновения и на протяжении веков нередко выдавалось за простую перефразировку определения истины, раскрывающую некий якобы более глубокий и полный ее смысл. Крайности сводились вместе, и ценность из полярной противоположности истины превращалась в ее разновидность или просто отождествлялась с нею.

Несколько разрозненных примеров проиллюстрируют эти особенности истории определения ценности.

«...Истину говорит тот, – утверждает Аристотель, – кто считает разъединенное разъединенным и связанное – связанным, а ложное – тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит о вещами. ... Не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду»⁴⁴. Это – ясное определение истины как соответствия мысли той действительности, к которой она относится.

Но ранее у Платона встречается иное истолкование истины. В диалоге «Федон» Сократ выдвигает в качестве критерия истины соответствие того, что познается, своему понятию. «Я решил, – говорит он, – что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия... Правда, я не очень согласен, что тот, кто рассматривает бытие в понятиях, лучше видит его в уподоблении, чем если рассматривать его в осуществлении. Как бы там ни было, именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным; и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное – идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, – а что не согласно с ним, то считаю неистинным»⁴⁵. С этой точки зрения критерием истины оказывается соответствие того, что познается, своему понятию. Понятие истины смешивается с понятием добра.

Можно отметить, что сходную идею высказывал еще раньше Анаксагор, считавший, что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум. В сущности, это был один из первых ясно выраженных ценностных подходов – от Ума, т. е. от абстрактного, отвлеченного понятия, к миру как его следствию. Однако Анаксагор не был вполне последователен, что сразу же заметил Сократ: провозглашая Ум в качестве все упорядочивающего принципа, Анаксагор при объяснении конкретных явлений рассуждает так, как если бы Ум бездействовал, а порядок вещей и их причины определялись не им, а самими природными вещами.

Что касается Аристотеля, давшего первое определение истины, его понятие «формы», как и понятие «идеи» Платона, является не личностной, духовно-индивидуальной категорией, а представляет собой только *тип, родовое понятие, образец*. По существу, аристотелевская теория материи и формы является попыткой преодолеть противоположность истинностного и ценностного подходов к реальности и совместить истину с ценностью.

Согласно Августину, Бог, создавая вещи, руководствовался своими идеями как высшими образцами для любой из сотворенных вещей. В каждой из них заключен тот или иной мыс-

ленный, внеземной образ, сохраняемый вещь при всех ее изменениях. В меру соответствия вещи своему образу («своей идее») в ней заключено и добро⁴⁶.

Фома Аквинский писал, что «совершенство предмета определяется в меру его актуальности; совершенным называется то, что не испытывает никакой недостаточности в том роде, в котором оно совершенно»⁴⁷. Это – вариант классического определения позитивной ценности (добра).

В другом месте Аквинат определенно смешивает истину и добро: «Коль скоро всякий предмет может быть истинным постольку, поскольку имеет форму, соответствующую его природе, с необходимостью следует, что интеллект, поскольку он познает, истинен в меру того, насколько он имеет подобие познанного предмета, которое есть его форма, коль скоро он есть интеллект познающий. И потому истина определяется как согласованность между интеллектом и вещью»⁴⁸. Здесь истиной именуется как соответствие идей вещам, так и соответствие вещей идеям.

В средневековом теоретизировании, двигавшемся по преимуществу от теоретического («небесного») мира к реальному («земному»), явно преобладал ценностный подход. Здесь были все его атрибуты: рассуждения от понятий к вещам, дедукции из «сущностей», разговоры о «способностях» исследуемых объектов, введение явных и скрытых целевых причин, иерархизация изучаемых явлений по степени их фундаментальности и т. п.

В теоретическом мышлении Нового времени сначала безраздельно господствовал истинностный подход. Казалось очевидным, что в естественных науках ценностей нет и не может быть; ставилась задача «очистить» от них также гуманитарные и социальные науки, перестроив их по образцу естественных. В этот период сложилось представление о «чистой объективности» научного знания, «обезличенности», бессубъектности науки. Все проблемы рассматривались только в аспекте истинности-неистинности.

Однако, начиная с Г.В. Лейбница, ценности допускаются сперва в метафизику, а затем и в гуманитарное и социальное знание. У Лейбница сущее (монада) определяется не только перцепцией, но и *стремлением, влечением* и охватывает в своем воспринимающем представлении совокупность мирового сущего. Лейбниц говорит даже о точке зрения, присущей этому «стремлению».

Лейбниц истолковывал совершенное как соответствующее своему понятию. Все вещи, рассматриваемые с правильной точки зрения и понятые наилучшим образом, т. е. рассмотренные в свете надлежащих понятий, оказываются с необходимостью добрыми и справедливыми⁴⁹. Это понимание совершенного было воспринято Х. Вольфом и А. Баумгартеном, отождествлявшими, вслед за Лейбницем, прекрасное с совершенным.

«После того, – писал Спиноза, – как люди начали образовывать общие идеи и создавать образцовые представления домов, зданий, башен и т. д. и предпочитать одни образцы вещей другим, то каждый стал называть совершенным то, что ему казалось согласным с общей идеей, образованной для такого рода вещей, и наоборот – несовершенным те, что казалось менее согласным с составленным для него образцом...»⁵⁰

В этом высказывании положительная ценность (добро, совершенство) понимается как соответствие вещей своим образцам, зафиксированным в понятиях или идеях.

Однако позднее у Канта неоднократно встречается мысль, что истина двойственна: она означает соответствие мысли тому предмету, которого она касается, и вместе с тем означает соответствие самого предмета мысли о нем⁵¹. Кант смешивает, таким образом, истинностный подход к реальности с ценностным подходом к ней и явственно намечает контуры теории «двойственности истины»: истина – это, с одной стороны, согласие мысли с действительностью, и одновременно истина – это соответствие самой действительности высказанному о ней утверждению.

Подмена истинностного отношения ценностным и истины добром лежит в основе всей философской концепции Гегеля.

Наиболее совершенный способ познания – это, по Гегелю, познание в чистой форме мышления, где человек действует совершенно свободно. «Что форма мышления есть абсолютная форма и что истина выступает в ней так, как она есть в себе и для себя, – в этом состоит вообще основное положение философии»⁵². Обыкновенно, пишет Гегель, мы называем истиной согласие предмета о нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое⁵³.

«Впрочем, – замечает Гегель, – более глубокое (философское) значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об *истинном* друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об *истинном* произведении искусства. Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответствующее самому себе. В этом смысле плохое государство есть неистинное государство, и плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением или понятием и существованием предмета. О таком плохом предмете мы можем составить себе правильное представление, но содержание этого представления есть в себе неистинное. Мы можем иметь в своей голове много правильного, но вместе с тем неистинного. Только бог есть истинное соответствие понятия и реальности. Но все конечные вещи имеют в себе неистинность, их существование не соответствует их понятию. Поэтому они должны пойти ко дну, и эта их гибель служит проявлением несоответствия между их понятием и их существованием»⁵⁴.

Мысль Гегеля ясна, но она ошибочна. Имеются будто бы два понятия истины. Истину как согласие представления со своим предметом Гегель именуется «правильностью» и противопоставляет другому, якобы более глубокому пониманию истины как соответствия предмета своему понятию. Однако это второе понимание, фиксирующее «согласие некоторого содержания с самим собой», говорит о том, какими должны быть вещи, и является на самом деле определением не истины, а позитивной ценности, или добра. В поддержку явной подмены истины добром или «должным» Гегель ссылается на обычное словоупотребление, на случаи, когда мы говорим об «истинных друзьях», «истинных произведениях искусства» и т. п.

Действительно, слово «истинный» иногда используется не в своем обычном смысле, а означает «настоящий, подлинный, очень хороший», «такой, каким и должен быть». Но эта особенность повседневного языка говорит только о том, что в обычной жизни истинностный и ценностный подходы тесно взаимосвязаны и взаимно переплетены, что, конечно же, не делает истину добром, а добро истиной.

Таким образом, проведение различия между двумя типами истины – давняя и устойчивая философская традиция. Вот как резюмирует ее современный философ И.М. Бохенский в книге, посвященной своеобразию философского мышления. Истина означает в общем случае совпадение, соответствие мнения и «нечто». «Легко заметить, что установление этого совпадения может происходить в двух, так сказать, направлениях. В одном – когда вещь соответствует мысли, например когда говорят: этот металл – настоящее золото, или: этот человек – настоящий герой. Этот первый вид истинного и истины философы обычно называют “онтологическим”. В других случаях, наоборот, мысль, суждение, положение и т. д. называются истинными, если они соответствуют вещам. Этот второй вид истинного имеет признак, по которому его можно легко узнать: истинными в этом втором смысле являются лишь мысли, суждения,

положения, но не вещи в самом мире. Такой вид истины среди философов принято называть «логической истиной»⁵⁵.

Разумеется, никаких двух видов истины нет. Так называемая логическая истина – это истина в обычном, или классическом, понимании. Онтологическая же истина – это вовсе не истина, а позитивная ценность, добро, совершенство. Вещь, соответствующая мысли, представляет собой такую вещь, какой она должна быть, т. е. попросту говоря, хорошую или очень хорошую вещь. Утверждение «Этот человек – настоящий герой» – только сокращенная формулировка утверждения о долженствовании: «Этот человек таков, каким должен быть герой».

Выделение двух видов истины – это не некая типичная особенность «глубокого» философского мышления, а ставшая уже традиционной в философии путаница между истиной и добром.

9. Из истории исследования ценностей

Общее понятие ценности в качестве параллели сущему ввели в 60-е гг. XIX в. Г. Лотце и Г. Коген. Истолкование сущего по преимуществу в свете ценностей в конце XIX в. привело к появлению философии ценностей – направления неокантианства, связанного с именами В. Виндельбанда и Г. Риккерта.

Ф. Ницше представил всю историю западноевропейской философии как «полагание ценностей». Он видел источник ценностей в «перспективности сущего». Ценности полагаются человеком из «практических соображений, из соображений пользы и перспективы» и являются «пунктуациями воли», размеряющей и размечающей пути своего возрастания. Ценность есть в конечном счете то, что признается волей значимым для себя. Воля к власти и полагание ценностей представляют собой, по мысли Ницше, одно и то же. Наука, истина, культура оказываются в итоге только частными ценностями: они являются лишь условиями, в которых осуществляется порядок всеобщего становления – единственной подлинной реальности. И лишь само по себе становление не имеет ценности.

К концу XIX в. в западноевропейской философии сложился явно выраженный дуализм истинностного и ценностного подходов к действительности. В позитивизме и методологии естественных наук человек, как правило, низводился до роли пассивного, созерцательного субъекта. В герменевтике В. Дильтея, в философии жизни и особенно в философии «воли к власти» Ницше он оказался творцом не только истории и культуры, но и самой реальности.

Во многом этот дуализм – противопоставление истины и ценности, созерцания и действия, теории и практики, наук и природе и наук о культуре – сохраняется в философии и теперь.

Анализ классического определения истины и неклассического определения ценности позволяет сделать ряд выводов, представляющихся интересными и важными с точки зрения логики и методологии научного познания.

Прежде всего, истинностный и ценностный подходы к вещам очевидным образом не тождественны друг другу. Они имеют противоположное направление и уже поэтому не могут совпадать. В случае истинностного подхода движение направлено от действительности к мысли. В качестве исходной выступает действительность, и задача заключается в том, чтобы дать адекватное ее описание. При ценностном подходе движение осуществляется от мысли к действительности. Исходной является оценка существующего положения вещей, и речь идет о том, чтобы преобразовать его в соответствии с этой оценкой или представить в абстракции такое преобразование.

Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга. Ни один из них не может быть сведен к другому или замещен им. История теоретического мышления показывает, однако, что попытки такого сведения были в прошлом обычным делом. Более того, редукция истинностного подхода к ценностному или, наоборот, ценностного к истинностному едва ли не всегда рассматривалась как необходимое условие правильного теоретизирования.

«Дух и культура как целенаправленные и культивируемые кардинальные типы человеческой деятельности, – пишет М. Хайдеггер, – существуют лишь начиная с Нового времени, а “ценности” как установленные масштабы такой деятельности – только с новейшего времени»⁵⁶.

Глава II

Оценки и нормы в науке и в социальной жизни

1. Ценности и классификация наук

Классификация наук – многоступенчатое, разветвленное деление наук, использующее на разных этапах деления разные основания.

Прежде чем перейти непосредственно к подразделению наук по их предмету и методу на *науки о природе* и *науки о культуре*, рассмотрим вкратце предложенное В. Виндельбандом и подробно разработанным Г. Риккертом противопоставление *номотетических наук* и *идиографических наук*.

Термин «идиографическая наука» (от греч. *idios* – особенный, своеобразный, странный, неслыханный и *grápho* – пишу) был введен Виндельбандом с целью противопоставления индивидуализирующих идиографических наук генерализирующим номотетическим наукам.

«Номотетическое мышление», по Виндельбанду, направлено на отыскание общих законов, которым подчиняются изучаемые явления, на «неизменные формы реальных событий»; «идиографическое мышление» ищет «отдельные исторические факты», рассматривает явления с точки зрения «их однократного, в себе самом определенного содержания».

Основной целью номотетической науки является открытие общих универсальных научных законов. Номотетическая наука пользуется генерализирующим методом и противостоит идиографической науке, использующей индивидуализирующий метод и имеющей своей задачей не открытие законов, а представление исследуемых объектов в их единственности и неповторимости.

Риккерт называл номотетические науки «науками о природе» (сохраняя за ними и обычное название – «естественные науки»), а идиографические науки – «науками о культуре».

С середины XIX в. довольно активно стал употребляться термин «науки о духе», обозначающий примерно то же самое, что и науки о культуре, или идиографические науки. К наукам о духе обычно относились история, лингвистика, социология, этика, эстетика и др. Психология считалась стоящей между науками о природе и науками о духе.

В. Дильтей, резко противопоставлявший науки о духе естественным наукам, считал предметом исследования первых общественно-историческую действительность. Он полагал, что науки о духе опираются не только на принцип причинности, имеющий силу для всех наук, но и на определенные ценности и суждения о целях.

Риккерт, говоривший о «науках о природе» и «науках о культуре», не считал, что понятие научного закона является универсальной категорией эпистемологии и что каждая наука призвана устанавливать законы. Если мы отделим закономерность как методологическую форму от причинности, говорил Риккерт, то все же, хотя всякая действительность обусловлена причинно, могут существовать науки, которые вовсе не интересуются законами, но стремятся познавать индивидуальные причинные ряды. Естественные науки, или науки о природе, устанавливают универсальные законы; науки, занимающиеся изучением «человека в истории», не формулируют никаких законов, а изучают отдельные исторические факты и их причинные связи. Таким образом, с точки зрения Риккерта, никаких законов, касающихся развития культуры, не существует, так что понятия закона науки и закона природы совпадают. Социологию Риккерт характеризовал как «чисто естественно-научную трактовку человеческой социальной духовной жизни».

Позднее М. Вебер, принимавший риккертское противопоставление наук о культуре и наук о природе, выдвинул программу развития социологии как «универсально-исторической» науки. «Понимающая социология» разрабатывалась им как противоположность «понимающей психологии» Дильтея.

Противопоставление идиографической науки номотетической науке не абсолютизировалось. Виндельбанд, в частности, подчеркивал, что идиографические науки, воссоздающие объекты в их единичности и уникальности, нуждаются в определенных общих положениях, которые устанавливаются номотетическими науками. Идиографические науки не должны отказываться полностью от номотетического метода, а использовать его в качестве подчиненного, иначе они рискуют впасть в релятивизм (неокантианцы неточно называли его «историзмом»). Преувеличение же роли номотетического метода в идиографических науках ведет к «методологическому натурализму», трактующему генерализирующий метод естественных наук как универсальный.

Постановка Виндельбандом и Риккертом вопроса о специфике методологии исторических наук оказала существенное воздействие на методологию социального и гуманитарного познания.

Идея, что задача науки истории в том, чтобы раскрыть законы исторического развития, начала складываться в Новое время. Ее отстаивали О. Кант, К. Маркс, Дж. С. Милль, Г. Зиммель и др.

Однако уже в начале XX в. число сторонников этой идеи стало резко уменьшаться. Одной из причин такого поворота явилось то, что замысел открыть законы истории и тем самым поставить науку историю в один ряд со всеми другими науками, устанавливающими определенные закономерности, не привел ни к каким конкретным, сколько-нибудь надежно обоснованным результатам. Другой причиной являлось распространение убеждения в методологическом своеобразии исторических наук, для которых понятие закона науки является чужеродным.

Новая классификация наук

Приводимая далее классификация наук имеет две особенности. Во-первых, в ней для подразделения наук на типы важным является то, используются ли в рассматриваемых науках оценки и какого именно типа оценки: абсолютные или же сравнительные. Во-вторых, данная классификация является уточнением классификации, разрабатывавшейся когда-то Виндельбандом и Риккертом. Доказавшее свою полезность подразделение всех наук на науки о природе и науки о культуре должно быть, однако, прояснено и детализировано.

Обычно все науки делятся на три группы: *естественные науки, социальные и гуманитарные науки, формальные науки*.

К естественным наукам относятся физика, химия, науки биологического ряда и др.

Некоторые естественные науки, как, например, космология, рассматривают исследуемые ими объекты в развитии и оказываются, таким образом, близкими к гуманитарным наукам, а именно к наукам исторического ряда.

Другие естественные науки, как, к примеру, география или физическая антропология, формируют сравнительные оценки и тяготеют к таким социальным наукам, как социология и экономическая наука.

Поле естественных наук является, таким образом, весьма разнородным. Различия отдельных естественных наук настолько велики, что невозможно выделить какую-то одну из них в качестве парадигмы «естественно-научного познания».

Идея неопозитивизма, что физика является тем образцом, на который должны ориентироваться все другие науки (исключая формальные науки – математику и логику), является контрпродуктивной. Физика не способна служить в качестве образца даже для самих естественных наук. Ни космология, ни биология, ни тем более физическая антропология не похожи в своих существенных чертах на физику. Попытка распространить на эти научные дисциплины

методологию физики, взятую в сколько-нибудь полном объеме, не может привести к успеху. Тем не менее определенное внутреннее единство у естественных наук имеется:

- они стремятся описывать исследуемые ими фрагменты реальности, но не оценивать их;
- даваемые данными науками описания обычно формулируются в терминах не абсолютных, а сравнительных понятий: временной ряд «раньше – позже – одновременно», пространственные отношения «ближе – дальше» и т. п.

В число социальных наук входят экономическая наука, социология, политические науки, социальная психология и т. д. Для этих наук характерно:

- они не только описывают, но и оценивают;
- при этом очевидным образом тяготеют не к абсолютным, а к сравнительным оценкам, как и вообще к сравнительным понятиям.

К гуманитарным наукам относятся науки исторического ряда, лингвистика, (индивидуальная) психология и др. Одни из этих наук тяготеют к чистым описаниям (например, история), другие – сочетают описание с оценкой, причем предпочитают абсолютные оценки (например, психология). Гуманитарные науки используют, как правило, не сравнительные, а абсолютные категории (временной ряд «было – есть – будет», пространственные характеристики «здесь – там»), понятие предопределенности, или судьбы, и т. п.

Область социальных и гуманитарных наук еще более разнородна, чем область естественных наук. Идея отыскать научную дисциплину, которая могла бы служить образцом социально-гуманитарного познания, нереалистична.

История, старающаяся избегать оценок и всегда обсуждающая прошлое только с точки зрения настоящего, не может служить образцом для социологии или экономической науки, включающих явные и неявные сравнительные оценки и использующих временной ряд «раньше – одновременно – позже», не предполагающий настоящего; политические науки не способны дать каких-то образцов для психологии или лингвистики и т. д. Поиски парадигмальной социальной или гуманитарной дисциплины еще более утопичны, чем поиски «образцовой» естественной науки.

Между собственно социальными и гуманитарными науками лежат науки, которые можно назвать *нормативными*: этика, эстетика, искусствоведение, правоведение и т. п. Эти науки формулируют, подобно социальным наукам, оценки (и их частный случай – нормы), однако даваемые ими оценки являются, как правило, не сравнительными, а абсолютными. В использовании абсолютных оценок нормативные науки близки гуманитарным наукам, всегда рассуждающим в координатах абсолютных категорий.

К *формальным наукам* относятся логика и математика. Их подход к исследуемым объектам настолько абстрактен, что получаемые результаты находят приложение при изучении всех областей реальности.

П.Ф. Стросон считает такие понятия, как «настоящее» («есть», «теперь») и «здесь», скорее не категориями, а средствами, с помощью которых категории связываются с миром, теми инструментами, которые придают опыту характерную для него избирательность. В этой терминологии проводится различие между *категориями* и *категориальными характеристиками*.

Например, понятие «время» является категорией, а понятие «прошлое – настоящее – будущее» и «раньше – одновременно – позже» – две ее категориальные характеристики (абсолютная и сравнительная); понятие «добро» – категория, а понятия «хорошо – безразлично – плохо» и «лучше – равноценно – хуже» – ее категориальные характеристики; понятие «детерминированность» – категория, а «необходимо – случайно – невозможно» и «причина – следствие» – ее категориальные характеристики и т. д. Различие между категориями и их категориальными характеристиками проводилось уже И. Кантом. Принимая во внимание это различие, можно сказать, что большинство категорий (включая категории «бытие», «время», «пространство», «детерминированность», «истина», «добро» и др.) предполагает для

своей связи с миром абсолютные и сравнительные категориальные характеристики. В итоге имеют место два разных и дополняющих друг друга способа представления бытия, времени, пространства и т. д.

Данная классификация наук опирается на две оппозиции: «оценка – описание» и «абсолютные понятия – сравнительные понятия». Все науки сначала делятся на естественные науки, тяготеющие к описанию в системе сравнительных категорий, и социальные и гуманитарные науки, тяготеющие к оценке в системе абсолютных категорий; затем последние подразделяются на социальные, нормативные и гуманитарные науки. Такая классификация не является единственно возможной, существуют многообразные иные основания деления наук. Эта классификация интересна прежде всего тем, что она прямо опирается на не использовавшееся ранее при делении наук понятие оценки и, соответственно, на понятие нормы. Классификация подчеркивает принципиальное различие социальных и гуманитарных наук: в основе социальных наук лежат сравнительные оценки, в гуманитарных науках используются абсолютные оценки.

2. Оценки и законы истории

В заключение обсуждения общих проблем, связанных с оценками и нормами, целесообразно рассмотреть вопрос о законах человеческой истории. Есть все основания полагать, что движение истории не подчиняется каким-либо объективным, не зависящим от человека и общества законам и не имеет объективного, не определяемого человеком и обществом смысла. Это означает, что общее направление движения истории не носит «принудительного характера». Оно задается существующими в истории причинными связями и теми ценностями, которые формулируются в историческом процессе людьми и их сообществами. Оно определяется также складывающимися в ходе истории социальными тенденциями, действующими ограниченное время, а затем уходящими в прошлое.

Иными словами, решающую роль в ходе истории имеют *причинные связи, ценности* и преходящие *социальные тенденции*. Ценности включают в первую очередь оценки и нормы. Без них нет не только конкретной человеческой деятельности, но и самой человеческой истории. Оценки и нормы оказываются, таким образом, не только ключевым звеном индивидуальной человеческой деятельности, но также коллективных действий людей, их продолжающейся многие тысячелетия истории.

Идея существования особых законов, которым подчиняется историческое развитие, начала складываться только в Новое время. Номологическое, опирающееся на универсальный закон объяснение исторических событий противопоставлялось характерному для религиозных концепций телеологическому их объяснению.

Однако замысел открыть законы истории и тем самым поставить науку историю в один ряд со всеми другими науками, устанавливающими определенные закономерности, приводит в лучшем случае лишь к расплывчатым банальностям.

Примеры законов истории

В качестве примера можно сослаться на «социальные законы развития» В. Вундта, составляющие, по его мнению, особый отдел «исторических законов развития». «Согласно закону социальных равнодействующих, – говорит Вундт, – каждое данное состояние в общем всегда сводится к одновременно имеющимся слагаемым, которые соединяются в нем для единого совместного действия»⁵⁷. Трудно сказать, что означает данный закон и какое вообще отношение он имеет к истории. Не лучше обстоит дело и с «законом социальных контрастов». Этому закону, говорит Вундт, «подчиняются все те процессы социальной жизни, при которых определенные явления повышаются благодаря своей противоположности с другими предшествующими или одновременными явлениями»⁵⁸. Данный закон Вундт относит не только к истории, но и к литературе и искусству и говорит о нем, что «в особенности благоприятно господству контраста политическое положение дел, благодаря смене подъема страхом и надеждой; здесь вместе с тем контраст обычно не поддается какому-либо предварительному подсчету, не только из-за единичного характера исторических событий, но из-за повышенного действия чувств, чего никогда не следует упускать из виду»⁵⁹.

Возможно, за этими расплывчатыми утверждениями и стоит какое-то верное психологическое наблюдение, однако непонятно, как приложить его к истории и что оно способно дать для исторического объяснения.

Стремление во что бы то ни стало открыть законы истории приводило иногда к тому, что явно ошибочные концепции излагались в форме отдельных тезисов, а последние выдавались за исторические законы. Так обстояло, в частности, дело с «законами мировой истории» К. Брейзига. Он сформулировал более двадцати законов, говорящих о том, что историческое развитие идет последовательно от семьи к роду, затем к государству, затем к народности

и т. д. Девятнадцатый закон, например, гласит, что «с переходом от королевской к императорской власти должно вновь возрасти искусство внешней и завоевательной государственной политики»⁶⁰. Один из законов «высшего порядка», приводимый Брейзигом, говорит, что «если иметь в виду сперва область государственно-хозяйственного развития, то можно установить, что первобытная эпоха есть период преимущественно общественных наклонностей, древность – господство личного начала, что Средневековье вновь носит на себе отпечаток первобытной эпохи, а Новое время – древности, и что новое время принесло с собой повторный возврат к общественному мышлению, но непосредственно за ним идет сильный подъем индивидуализма»⁶¹. Это – общие и весьма туманные рассуждения, но никакой не закон истории – ни высшего, ни низшего порядка.

К. Маркс был убежденным сторонником идеи существования законов истории. Он делил их на универсальные, распространяющиеся на всю человеческую историю, и локальные, действующие в рамках отдельных крупных промежутков истории (эпох, или, как он называл их, «формаций»). Законы истории были для Маркса тем рычагом, который неминуемо приведет человечество к коммунистической формации, являющейся своего рода «раем на земле». Марксом была построена систематичная и, как одно время могло казаться, реалистическая концепция коммунизма. Впоследствии она получила в марксизме название «научный коммунизм». Эпитет «научный» призван был, вероятно, подчеркнуть три обстоятельства. Во-первых, учение Маркса о коммунизме являлось составной частью его более широкой исторической концепции, охватывающей всю человеческую историю и трактующей переход к коммунизму как завершение предыстории человеческого общества и переход к его собственно истории. Во-вторых, помимо телеологического (диалектического) обоснования неизбежности коммунизма, Маркс постулировал определенные необходимые и универсальные законы истории, неумолимо ведущие к гибели капитализма и становлению коммунистического общества. Этими законами Маркс считал выводы из своих же рассуждений. В-третьих, Маркс одним из первых попытался связать концепцию коммунизма с реальным и достаточно мощным уже в его время социальным движением – движением рабочего класса (пролетариата) за улучшение своего положения в капиталистическом обществе. Маркс считал, что основные пороки капитализма – и прежде всего абсолютное и относительное обнищание рабочего класса – будут углубляться до тех пор, пока в наиболее развитых капиталистических странах одновременно не произойдет пролетарская революция и не установится на период перехода к коммунизму диктатура пролетариата. Пролетарии всех стран, объединившись, совместными усилиями заложат основы коммунистического общества, охватывающего все человечество.

Коммунистическая концепция Маркса, опирающаяся на диалектику и постулируемые им законы истории, столь же утопична, как и более ранние учения о коммунизме. Как и его предшественники, Маркс не предполагал, что коммунизм – чрезвычайно опасная утопия, попытка воплотить которую в жизнь неизбежно приведет к жестокому деспотизму и массовому террору. Маркс не предвидел также, что наиболее активно коммунистическую утопию попытаются реализовать не наиболее развитые капиталистические страны, а, напротив, весьма отсталые в экономическом отношении страны, в которых капитализм только начинал утверждаться.

Коммунизм, как в его марксистской, так и в других версиях, ориентирован на глобальную, единую для всего общества цель, которая должна быть реализована несмотря ни на что и которая требует от каждого индивида самого деятельного участия в ее реализации. Общество, ориентированное на глобальную цель и вынужденное ради этого мобилизовать все свои ресурсы, отрицает частную собственность, способную уклоняться от осуществления общего плана. Такое общество ограничивает семью, отвлекающую человека от служения глобальной цели. Оно вводит единую идеологию, обосновывающую принятую цель и оправдывающую те жертвы, которые приносятся ради нее. Оно настаивает на единообразии взглядов своих индивидов и делает невозможной критику в адрес цели и поддерживающей ее идеологии. Оно при-

бегают к насилию в отношении инакомыслящих и несогласных, отождествляет гражданское общество с государством и придает последнему неограниченную власть, и т. д.

Все эти последствия выпали из-под действия открытых Марксом законов. Это говорит о том, что принимавшаяся им система законов истории была по меньшей мере неполна.

Критика идеи законов истории

Идея, что задача науки истории (и более широко – науки об обществе) в том, чтобы открыть законы исторического развития, высказывалась Марксом, Дж. С. Миллем, Г. Зиммелем, М. Вебером и многими другими. Однако уже в начале XX в. число сторонников этой идеи стало заметно уменьшаться.

Резкой критике подвергает идею существования законов истории К. Поппер. Он проводит различие между обобщающими науками и историческими науками. Теоретические обобщающие науки интересуются проверкой универсальных гипотез, прикладные обобщающие науки – предсказанием конкретных событий. Исторические науки занимаются конкретными, специфическими событиями и их объяснением. «С нашей точки зрения, – пишет Поппер, – действительно не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения. Задача истории как раз и заключается в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. Те, кого интересуют законы, должны обратиться к обобщающим наукам (например, к социологии)»⁶².

На отсутствие исторических законов косвенно указывает распространенное среди историков требование описывать события прошлого в том виде, в каком они действительно имели место. О том, что такие законы не существуют, говорит и неисчерпаемость предмета исторического исследования, и отсутствие единой точки зрения, с которой можно было бы рассматривать любой отрезок прошлого.

Исторические науки, замечает Поппер, не стоят особняком в своем отношении к универсальным законам. Везде, где речь идет о применении науки к единичной или частной проблеме, обнаруживается сходная ситуация. Химик, проводящий анализ некоторого соединения – допустим, куска породы, – вряд ли думает о каком-либо универсальном законе. Он применяет стандартную процедуру, являющуюся с логической точки зрения проверкой единичной гипотезы (например, «Это соединение содержит серу»). «Интерес его является главным образом „историческим“ – это описание одной совокупности событий или одного индивидуального физического тела»⁶³.

Концепцию, утверждающую возможность открытия объективных законов истории и, более того, считающую, что такие законы уже открыты и на их основе можно предсказывать пути исторического развития, Поппер называет *историцизмом*. Историцизм является одной из форм *сциентизма* – стремления перенести в сферу общественных наук то, что считается методом естественных наук. Типичный аргумент в пользу историцизма состоит в следующем: «Мы можем предсказывать затмения, почему же тогда мы не можем предсказывать революции?» В более систематичной форме этот аргумент звучит так: «Задачей науки является предсказание. Поэтому задачей общественных наук должны быть предсказания относительно общества, т. е. истории».

История представляет собой смену уникальных и единичных явлений, в ней нет прямого повторения одного и того же, поэтому в ней нет законов. Эта позиция начала складываться еще в конце XIX – начале XX в. (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, позднее Б. Кроче, В. Дильтей и др.), но утвердилась только недавно. Вот как выражает эту мысль К. Ясперс: «Если мы постигаем в истории общие законы (каузальные связи, структурные законы, диалектическую необходимость), то собственно история остается вне нашего познания. Ибо история в своем индивидуальном облике всегда неповторима»⁶⁴.

Отсутствие законов исторического развития не означает ни того, что в истории нет причинных связей, ни того, что в ней нельзя выявить определенные *тенденции*, или *линии развития*. В истории действует принцип причинности: «Все имеет причину, и ничто не может произойти без предшествующей причины». Этот принцип универсален, он распространяется на все области и явления, и совокупная деятельность людей, именуемая историей, не является исключением из него. Однако законы отличны от причинных связей, и наличие в истории причинности никак не означает существования исторических законов. Выявление причинных зависимостей между историческими событиями – одна из основных задач науки истории⁶⁵.

Выявление особых законов, которым подчиняется историческое развитие, оказывается центральной задачей науки истории в коллективистических обществах, подобных коммунистическому обществу. В коллективистической версии историзма, безоговорочно принимаемой такими обществами, все прошлое истолковывается как постепенная и последовательная подготовка к изучаемым современным явлениям. История, понятая как обоснование и оправдание настоящего, приобретает не только открыто *кумулятивный*, но также *апологетический* характер. Эта история приписывает исторические события не мудрости людей, совершивших их, но действию некой силы, стоящей выше не только отдельных людей, но и общества в целом (Бога, Провидения, законов общественного развития). История рассматривается как пьеса, написанная управляющей обществом силой. Главная задача истории – найти в общем ходе событий доступную разуму закономерность. Исключительное значение придается при этом определенному ключевому событию, представляющему собой одно из самых главных предустановленных выражений данной закономерности (Рождение Христа, Великая Октябрьская социалистическая революция, появление на исторической сцене Вождя). Историческое повествование концентрируется вокруг данного события, а все предшествующие и последующие факты рассматриваются как события либо ведущие к нему и подготавливающие его, либо развивающие его последствия. Ключевое событие делит историю на две части, каждая из которых своеобразна. Первая часть обращена в будущее, ее смысл – постепенная, неосознаваемая или осознаваемая только в самом конце подготовка к данному событию. Вторая же часть ретроспективна, так как смысл истории стал уже ясен. Иногда первая часть истории называется «предысторией», а вторая – «собственно историей»⁶⁶. Историю, которая делится на два периода, периоды мрака и света, принято называть «апокалипсической историей».

История как наука не может руководствоваться идеей описания действия законов истории. Реальной важной задачей истории является обнаружение складывающихся в определенный период в определенном обществе *тенденций развития*, прослеживание линий развития его институтов, идей и т. д. Примерами таких тенденций могут служить технический прогресс, ставший одним из основных факторов социального развития, начиная с Нового времени, рост народонаселения в некоторых обширных регионах мира и т. п.

Тенденции не являются законами истории, хотя их часто путают с ними. Прежде всего, научный закон – это универсальное утверждение, его общая форма: «Для всякого объекта верно, что если этот объект имеет свойство *A*, то он имеет также свойство *B*». Высказывание о тенденции является не универсальным, а *экзистенциальным*: оно говорит о существовании в определенное время и в определенном месте некоторого направленного изменения. Если закон действует всегда и везде, то тенденция складывается в конкретное время и срок ее существования ограничен.

Скажем, тенденция роста численности человечества сохранялась сотни и даже тысячи лет, но она может измениться за считанные десятилетия. Технический прогресс охватывает три последних столетия, однако при определенных неблагоприятных обстоятельствах его результаты могут быть утрачены в течение жизни одного поколения. Тенденции, в отличие от законов, всегда *условны*. Они складываются при определенных условиях и прекращают свое существование при исчезновении этих условий.

Тенденция, отчетливо проявившаяся в одну эпоху, может совершенно отсутствовать в другую эпоху. Например, греческие философы говорили о ясном направлении смены форм правления: от демократии к аристократии и затем к тирании. Но сегодня такой тенденции уже нет: некоторые демократии длятся не вырождаясь, другие сразу же переходят к тирании и т. д.

Одной из типичных ошибок, связанных с тенденциями исторического развития, является распространение тенденций, кажущихся устойчивыми в настоящем, на прошлое или на будущее. В самом начале XX в. некий американский футуролог сделал любопытный прогноз. Он подсчитал, что если увеличение числа лошадей в Нью-Йорке будет идти теми же темпами, то к 1930 г. улицы будут заполнены конским навозом до уровня второго этажа или же всему населению города придется поголовно превратиться в уборщиков навоза. Этот прогноз родился на свет буквально накануне появления автомобиля. Тенденции не только возникают, но могут и умирать. Отчетливые в настоящем, они могут никак не проявлять себя в прошлом и будущем.

3. Социальный прогресс и ценности

Идея социального прогресса как неуклонного движения общества вперед, от низшего к высшему, перехода на более высокие ступени развития и изменения к лучшему одно время считалась непререкаемым законом истории. Однако она сложилась и окрепла только в эпоху Просвещения. Г.В. Лейбниц первым сформулировал в качестве единого принципа исторической науки принцип возвышения духа, возникающего из природы, обретающего самостоятельность и в силу внутренней необходимости постоянно движущегося вперед. Историческая наука Просвещения, проникнутая оптимизмом своего времени, считала всесторонний культурный прогресс очевидным следствием освобожденного от религиозных предрассудков разума. Идея прогресса стала формулироваться как всеобщий закон, детерминирующий динамику истории. Прогрессизм как вера в неуклонный прогресс опирался прежде всего на очевидный прогресс науки и техники. Однако он не останавливался на этом, распространяя идею восходящего развития на все другие области культуры. «Его влияние в некоторые исторические периоды, – пишет о прогрессизме П. Тиллих, – было столь же сильно, как и влияние любого великого религиозного символа, включая символ Царства Божия... Несмотря на содержащуюся в нем внутреннюю историческую цель, это был квазирелигиозный символ»⁶⁷.

К. Досон обращает внимание на то, что вера в прогресс является в определенном смысле новой интерпретацией христианского представления о ходе истории. Эта вера, говорит Досон, не была чисто рациональной конструкцией, она являлась, в сущности, не чем иным, как секуляризованной версией традиционного христианского взгляда. От христианства она восприняла его веру в единство истории и в духовную и моральную цель, которая придает смысл историческому процессу в целом. Вместе с тем перенос этих понятий в чисто рациональную и светскую теорию культуры привел к их резкому упрощению. Для христианства смысл истории являлся тайной, открывающейся только в свете веры. Однако апостолы религии прогресса отвергли потребность в божественном откровении. Они полагали, что человек должен следовать только свету разума, чтобы раскрыть смысл истории в законе прогресса, определяющем жизнь цивилизации⁶⁸. Вера в прогресс получила особое распространение в XVIII в., в период торжествующей национальной и культурной экспансии, когда Западная Европа сделалась своего рода центром мира. Но даже в данный период, отмечает Досон, «трудно было согласовать этот поверхностный оптимизм с историческими фактами»⁶⁹.

Маркс, как и Гегель, был убежден в восходящем прогрессивном развитии, лежащем в основе всей истории, и измерял это развитие прежде всего ростом производительных сил. Всемирно-историческими ступенями прогресса у Маркса являлись общественно-экономические формации, каждая последующая из которых характеризовалась более высоким, чем у предыдущей, уровнем развития производительных сил и, соответственно, более совершенными производственными отношениями. Резко подчеркивая отрицательные стороны капитализма и предвещая его скорую гибель, Маркс тем не менее не считал крах капитализма закатом культуры вообще. Напротив, он видел в неизбежной мировой революции начало новой, более прогрессивной, чем капитализм, эпохи человечества. Эта эпоха должна была не только резко увеличить приобретенную при капитализме производительность труда, но и обеспечить равное участие всех в распределении его результатов.

Обычно различают две формы прогрессизма: веру в прогресс как в бесконечное восходящее развитие, не имеющее предела, и веру в прогресс как в развитие, ведущее в конце концов к совершенному обществу. Элемент бесконечного прогресса есть у Гегеля в его диалектических триадах. Наибольшее значение для развития идеи поступательного движения без определенного завершения имело неокантианство, истолковывавшее действительность как никогда не

кончающийся акт творения, порождаемый культурной деятельностью человека. Вторая форма прогрессизма – это *утопизм*, характерным примером которого является теория социального развития Маркса. «Утопизм, – пишет Тиллих, – это прогрессизм, в котором существует вполне определенная цель – достижение такой исторической ступени, когда будет побеждена неопределенность жизни»⁷⁰. Утопическое побуждение возникает из прогрессистского, но выделяется верой в то, что совершающееся революционное действие приведет к окончательному изменению действительности, к той новой ступени истории, когда утопия (место, которого нет) станет местом, которое есть везде. «И именно благодаря человеку на Земле будет осуществлено все то, что в раю было лишь потенциальностью»⁷¹. Утопические концепции, активизировавшиеся начиная с эпохи Возрождения, продолжают питать революционные движения и в наши дни.

XX в., вместивший две мировые войны, социалистические революции и тоталитарные режимы, уничтожившие десятки миллионов людей, обнажил проблематичный характер прогресса. Стало очевидным, что идея прогресса вовсе не является всеобщим историческим законом. Прогресс распространяется далеко не на все сферы социальной жизни, а его результаты в тех областях, где он все же имеет место, неоднозначны. Неожиданность и радикальность, которыми сопровождался распад прогрессизма, говорит Тиллих, были столь поразительны, что многие из тех, кто в свое время боролся против идеологии прогрессизма, почувствовали себя призванными защитить те ее элементы, которые достойны оправдания.

«...Мы потеряли веру в „прогресс“ и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным, – пишет русский философ С.Л. Франк. – Человечество вообще и европейское человечество в частности вовсе не непрерывно совершенствуется, не идет неуклонно по какому-то ровному и прямому пути к осуществлению добра и правды. Напротив, оно блуждает без предуганного пути, подымаясь на высоты и снова падая с них в бездны, и каждая эпоха живет какой-то верой, ложность или односторонность которой потом изобличается»⁷². Франк полагает, что подлинного прогресса не было даже в Новое время, когда возникла сама идея прогресса. Прогресса, заключает Франк, не существует. Нет такого заранее предуганного пути, по которому бы шло человечество и который достаточно было бы объективно констатировать, научно познать, чтобы тем уже найти цель и смысл своей собственной жизни.

Мрачные мысли были навеяны Франку, судя по всему, Октябрьской революцией и принудительной высылкой его в 1922 г. из советской России. Но основная идея, лежащая за его рассуждениями, проста: как можно говорить о прогрессе, охватывавшем несколько веков и предполагавшем совершенствование во всех областях, если одним из его результатов оказалось большевистское варварство?

Не менее резко высказывается против идеи прогресса Ю. Бохеньский. «Вера в постоянный прогресс человечества, идущего ко все более высокому, совершенному состоянию, к раю на земле, к „свету“ и тому подобному, – пишет он, – одно из самых вредных заблуждений, унаследованных от XIX века»⁷³. Такая вера предполагает, что человек в основе своей – существо прогрессивное и как род все более совершенствующееся. Это проявляется во всем: в мировоззрении человек переходит от суеверий к науке; в науке он приобретает все более глубокие знания; с помощью техники во все большей степени овладевает миром; в сфере морали постоянно совершенствуется; в политике изобретает все более прогрессивные формы правления; в искусстве создает все более прекрасные произведения. Прогрессу подвержены даже отдельные личности: подобно тому как млекопитающие находятся на более высокой стадии развития, чем птицы, современный человек превосходит людей древности или средневековья. Подобного рода перенос биологических категорий на человеческую историю безоснователен хотя бы потому, замечает Бохеньский, что в человеческой истории изучен промежуток времени в три тысячи лет, это около ста поколений, а сто поколений на шкале биологической эволюции – величина ничтожная. Говорить о прогрессе в пределах биологической секунды невозможно.

Бохеньский отрицает также прогресс в сфере культуры, где он скорее как исключение, чем правило, проявляется в течение относительно кратких периодов и лишь в некоторых областях культуры. Нет, по мнению Бохеньского, и нравственного прогресса: в сфере морали на смену прогрессу, как правило, приходит регресс. Не очевидно также, что современные формы социального устройства совершеннее древних. Значительный прогресс достигнут в последние столетия в технике, но не потому, что человек в этот период заметно поумнел. Трудно сказать что-то определенное о прогрессе в искусстве и в чисто интеллектуальной области. «Зададимся вопросом: достигает ли современный художник благодаря более совершенной технике больших высот, чем Микеланджело? Скажем прямо: мы этого не знаем. Во всяком случае, когда речь идет о чем-то существенном, прогресс далеко не очевиден.

Суждения Франка и Бохеньского о прогрессе чересчур скептичны. В них не различаются с достаточной ясностью области, в которых прогресс очевиден, области, в которых он чередуется с периодами регресса, и, наконец, области, в которых он просто отсутствует или не может быть обнаружен из-за краткости известной нам истории.

Есть несомненный прогресс в знании и техническом умении, причем результаты его постоянно передаются дальше и все более становятся всеобщим достоянием. Прогресс в науке и технике не является, конечно, всеобщим законом истории. Это только длительная историческая тенденция, которая, несомненно, продолжится и в будущем. Научный и технический прогресс ведет к единству в области знания, но не к единству человечества.

Сомнителен прогресс в искусстве. Будучи всеобщим достоянием, оно достигает высокого совершенства лишь у определенных народов и в определенные исторические периоды. Затем, взойдя на неповторимую высоту, оно как бы исчерпывает заложенные в нем потенции. Свершенное становится классикой, и новая волна в искусстве представляет собой уже иной стиль и не считает себя продолжением или даже преодолением того, что было достигнуто ранее. Искусство развивается стилями, или волнами. На смену классицизму пришло барокко, его вытеснил романтизм, затем появились реализм, модернизм и сегодняшний постмодернизм. Каждый из стилей порождался культурой своего времени и был лучшим для нее. Наивно искать ростки реализма в античном или средневековом искусстве, так же как упрощением была бы попытка связать социалистический реализм прошлого века с классическим реализмом второй половины XIX в. Каждый стиль искусства не просто хорош по-своему, а является наилучшим и даже единственно возможным в свое время и в своем месте.

Нет сколько-нибудь заметного прогресса в человеческой природе, в человеческой доброте и мудрости, в развитии интеллектуальных способностей человека. Высокоразвитые культуры не вызывают восхищения у народов, значительно уступающих им в развитии. «Быстрый рост усредненности, неразмывляющего населения, даже без борьбы, самим фактом своей массовости, торжествует, подавляя духовное величие, – пишет Ясперс. – Бесперывно идет отбор неполноценных, прежде всего в таких условиях, когда хитрость и брутальность служат залогом значительных преимуществ»⁷⁴.

Нет прогресса в формах социального устройства. Это хорошо согласуется с идеей двух полюсов истории, между которыми движутся, подобно континентам, все многообразные цивилизации. Если коллективистическое общество и индивидуалистическое общество – два разных, несовместимых типа общественного устройства, те два полюса, между которыми развивается история, то приближение к какому из них можно было бы считать восходящим развитием? Каждый из них необходим в свое время и в своем месте, и переход от коллективистического общества к индивидуалистическому или наоборот, не является шагом в социальном прогрессе.

Подводя итог, можно сказать, что идея прогресса, чрезвычайно популярная еще сто лет назад, в свете событий прошлого века оказалась неочевидной и неоднозначной. Прогресс – не

закон истории; прогрессивное развитие в тех областях, где оно существует, – результат человеческого разума и человеческих усилий.

Если прогресс в каких-то областях и достигается, то происходит это не в силу неких таинственных, изначально заданных «законов прогресса», а благодаря неуклонной человеческой активности. Естественно, что опираться она должна на объективные и выверенные опытом ценности, вырабатываемые самим человеком.

4. История самосозидающегося человечества

История – результат деятельности людей, направленной на определенные, сформулированные ими самими цели и ценности, и прежде всего выработанные людьми оценки и нормы. Как средство достижения выработанных самим человеком ценностей история имеет отчетливо выраженный субъективный, зависящий от человека смысл. Другой вопрос, что, преследуя свои, казалось бы, ясные и хорошо продуманные цели, люди нередко приходят к совершенно неожиданным и нежелательным результатам.

Цель истории – не финал, к которому история придет со временем независимо от обстоятельств и даже от стремлений и деятельности людей. Цель истории – это тот выработанный самими людьми оценочно-нормативный идеал, реализации которого они должны настойчиво добиваться и который может остаться пустой мечтой, если они не приложат максимальных усилий для его воплощения в жизнь.

История является *самоосмысленной* в том же самом смысле, в каком осмысленны индивидуальная жизнь, познание, истина, любовь и иные «практические» действия. Жизнь человека в своем течении сама себя оправдывает, что не исключает, конечно, того, что она имеет и инструментальную ценность. Познание и истина также во многом находят оправдание в самих себе. Любят, чтобы любить, ничто не может оправдать любовь, кроме нее самой.

Автаркический смысл истории получил свое классическое выражение в древнегреческом мышлении. С точки зрения последнего история движется по кругу, возвращаясь к своему исходному пункту, она не имеет никакой, находящейся в конце ее или вне ее цели. Течение истории включает возникновение, расцвет и упадок каждого отдельного исторического бытия. Будущее случайно, и оно не может придать ценность и смысл настоящему. В моменты триумфа следует думать о возможных ударах судьбы. Выражая это мироощущение, римлянин Сципион говорил по поводу разрушения Карфагена: та же судьба, которую готовил Рим своему врагу, постигнет когда-нибудь и сам Рим, так же, как некогда она постигла Троию.

Автаркический смысл истории хорошо согласуется с ее субъективным инструментальным смыслом: история имеет ценность и, значит, смысл сама по себе, в самом непосредственном ее течении; но она имеет сверх того смысл как средство реализации определенных человеческих идеалов.

Если история имеет только субъективный смысл, должен быть отброшен старый, не являющийся в своей основе универсальным принцип: высший суд – это *суд истории*. Данный принцип противоречит убеждению, что высшим судьей своей жизни и своей истории является сам человек. Своей деятельностью, направленной на реализацию определенных идеалов, он делает конкретный фрагмент истории оправданным или неоправданным.

В основе представления об истории как средстве реализации идеалов, выработанных самим человечеством, лежит идея *самосозидающегося человечества*, будущее которого определяется им самим, а не божественной волей или непреложными законами истории. Человечество, подобно Богу в еретической мистике, должно совершить парадоксальное действие: опираясь на свои собственные, ограниченные (в отличие от божественных) силы, оно должно возвыситься над самим собой.

Подводя итог обсуждению пониманий смысла истории, можно сказать, что, если истории приписывается объективный, не зависящий от деятельности человека смысл, философская теория ценностей, или аксиология, вырождается в рассуждения о том, как может человек способствовать реализации той глобальной цели, которая в общем-то объективно не зависит от его деятельности. Иными словами, аксиология превращается во внутренне противоречивое занятие. Оно подобно организации общественного движения, настаивающего единственно на том, чтобы камни падали на землю, когда их выпускают из рук.

Если какая-то конкретная цивилизация приписывает истории объективный смысл, эта цивилизация истолковывает историю как однозначно predetermined движение к цели, реализация которой объективно не зависит от усилий человека. Неудивительно, что в философии такой цивилизации аксиология как самостоятельный раздел отсутствует.

Аксиология обретает пространство для своего существования только в случае, если человеческой истории придается субъективный, зависящий от деятельности человека, и в частности от его оценок и норм, смысл.

Глава III

Описательно-оценочные высказывания

1. Особенности описательно-оценочных высказываний

Отличительной особенностью наук о культуре является то, что почти все сколько-нибудь важные их принципы и заключения представляют собой *двойственные, описательно-оценочные утверждения*.

Такого рода утверждения нетрудно найти и в науках о природе, если последние рассматривать в динамике – не только как результат, но и как процесс научной деятельности. Однако в естественно-научных теориях двойственные утверждения подобны строительным лесам, нужным в ходе построения теории. Как только возведение теории завершается и она приобретает хорошую эмпирическую и теоретическую поддержку, оценочный компонент двойственных утверждений уходит в тень, и они начинают функционировать как обычные описания. В социальных и гуманитарных теориях двойственные высказывания – необходимые составные элементы как формирующихся, так и устоявшихся теорий.

Распространенность двойственных высказываний

Двойственные выражения присутствуют не только в научных, но и в любых иных рассуждениях.

Причина универсальной распространенности таких выражений проста: человек не только созерцает и описывает реальность, но и преобразует. Для этого он оценивает существующее положение вещей и намечает перспективу его трансформации. Ценности, являющиеся, по выражению Ф. Ницше, «пунктуациями человеческой воли», представляют собой необходимое условие активности человека. В процессе реальной практики созерцание и действие, описание и оценка чаще всего неразрывно переплетены. Это находит свое отражение и в языке: одни и те же выражения нередко выполняют одновременно две противоположные и, казалось бы, несовместимые функции – описание и оценку.

Приведем несколько примеров.

Простым и наглядным примером двойственных высказываний служат определения толковых словарей. Задача словаря – дать достаточно полную картину стихийно сложившегося употребления слов, описать те значения, которые придаются им в обычном языке. Но составители словарей ставят перед собой и другую задачу – нормировать и упорядочить обычное употребление слов, привести его в определенную систему. Словарь не только описывает, как реально используются слова, но и указывает, как они должны правильно употребляться. Описание он соединяет с требованием.

Еще одним примером двойственных выражений являются, как указывает П. Стросон, правила грамматики: они описывают, как функционирует язык, и вместе с тем предписывают, как правильно его употреблять⁷⁵. Если в определениях толковых словарей ярче выражена их дескриптивная роль, то в правилах грамматики доминирует их прескриптивная функция.

Почти все определения, употребляемые в науке, также являются дескриптивно-прескриптивными. Именно поэтому трудно провести границу между реальными определениями, описывающими некоторые объекты, и номинальными определениями, требующими наличия у объектов каких-то свойств.

Проблема двойственных высказываний – одна из самых сложных и вместе с тем одна из наименее исследованных проблем в теории оценок. Сама ее постановка способна вызвать недоумение: если описание и оценка являются результатами двух противоположно направленных

движений мысли, как могут возникать описательно-оценочные высказывания? Исследование двойственных высказываний в первую очередь должно ответить на вопрос: как можно обосновать такие высказывания, если обоснование описаний и обоснование оценок – две совершенно разные процедуры.

Описания обосновываются прежде всего ссылкой на прямое или косвенное соответствие их реальности, и итогом обоснования является заключение об истинности (или ложности) обосновываемого описательного высказывания. Оценки в конечном счете представляют собой руководство для деятельности и обосновываются главным образом путем ссылки на эффективность направляемой ими деятельности, а результат обоснования – заключение об эффективности (или неэффективности) выдвигаемой оценки. Правомерен вопрос: в каких терминах оценивать двойственные высказывания: «истинно – ложно» или «эффективно – неэффективно»?

В принципе ответ на этот вопрос является простым. Описательно-оценочные высказывания соединяют описание и оценку. В одних контекстах они выступают как описания и должны, подобно всем описаниям, быть истинными или ложными и их обоснование должно быть таким же, как и обоснование обычных описаний. В других контекстах эти высказывания функционируют в качестве оценок (чаще всего стандартов или правил оценки иных высказываний) и не имеют, как и все оценки, истинностного значения.

Вместе с тем никаких общих принципов, позволяющих разграничивать ситуации, в которых двойственное высказывание употребляется как описание, и ситуации, когда это высказывание истолковывается как оценка, не существует.

Еще Сократ столкнулся с затруднением, связанным с возможностью и истинной, и ценностной интерпретации одного и того же утверждения. На вопрос, может ли справедливый человек однажды совершить несправедливый поступок, он отвечал, что нет: если это произойдет, человек перестанет отвечать идее справедливого. Сократ придерживался ценностного подхода и шел от идей к вещам. В рамках же истинностного подхода такая ситуация вполне возможна. Если истинностный и ценностный подходы смешиваются, ситуация оказывается двусмысленной. Не случайно Л. Шестов писал, что сократовское уверение, будто с дурным не может приключиться ничего хорошего, а с хорошим – ничего дурного, есть «пустая болтовня» и «поэтический образ», подобранный Сократом на «большой дороге или в еще худшем месте»⁷⁶.

Дело усложняется тем, что, во-первых, между двумя полюсами – чистые описаниями и чистые оценки – располагается чрезвычайно широкое поле разнородных *описательно-оценочных утверждений*, и, во-вторых, отдельные высказывания мигрируют между описательным и оценочным полюсами.

Например, высказывание, появившееся в какой-то теории как чистое описание, может со временем приобрести значение правила, т. е. оценки, или стать определением и оказаться чем-то подобным тавтологии. С другой стороны, высказывание, первоначально звучавшее как оценка, с течением времени способно сместиться в сторону типичных описаний.

Предварительным образом все двойственные выражения, располагающиеся между полюсом чистых описаний и полюсом чистых оценок, можно разделить на три группы:

- выражения, в которых описательная часть заметно доминирует над оценочной; характерным примером таких выражений могут служить научные законы;
- выражения, в которых описательное и оценочное содержание относительно уравновешены; типичным примером подобных выражений являются обычные в социальных науках утверждения об устойчивых тенденциях социального развития;
- выражения, в которых оценочная (обычно нормативная) составляющая выражена гораздо более ярко, чем описательная; примеры таких выражений – принципы морали, правила логики и математики и т. п.

Контекстуальность двойственных высказываний

Вопрос о том, является ли какое-то высказывание описанием, оценкой или же оно парадоксальным образом соединяет описание и оценку, обычно невозможно решить вне контекста употребления этого высказывания. Изолированные примеры описаний и оценок («*A* есть *B*», «*A* должно быть *B*» и т. п.) не ставят под сомнение этот общий принцип, так как подразумеваются типичные контексты употребления высказываний соответствующих форм. Приведенное подразделение двойственных выражений также предполагает определенный контекст – взятую в статике, одномоментно систему утверждений, составными элементами которой являются эти выражения. Но если система утверждений рассматривается в динамике, может оказаться, что выражение, когда-то функционировавшее как описание, со временем переместилось к противоположному, оценочному полюсу, или имело место обратное движение.

Если наука истолковывается как деятельность и рассматривается в движении, то сходным образом должны пониматься и отдельные научные утверждения, и системы таких утверждений, или теории. Утверждения и теории как продукты деятельности имеют свою историю, и эта история – фрагмент той более обширной целостности, которую называют историей конкретной научной дисциплины.

Подразделение всех утверждений на описательные, оценочные и двойственные не может стоять вне истории науки и не зависеть от нее. Оно исторически конкретно и всегда связано с определенным «настоящим».

2. Акцентуированные высказывания

Чистые оценки и чистые нормы почти не встречаются в теориях, которые не ставят своей специальной задачей их выработку и обоснование. В обычные социальные и гуманитарные теории оценки входят, как правило, только в виде «смешанных» описательно-оценочных утверждений. Обилие последних в этих теориях создает иногда обманчивое впечатление, что в них вообще нет «чистых» описаний и в каждом дескриптивном их утверждении имеется элемент оценки.

Высказывания, близкие к описаниям

Двойственные высказывания, имеющие неотчетливо выраженный описательно-оценочный характер и стоящие ближе к описаниям, чем научные законы, можно назвать *акцентуированными высказываниями*. Такие высказывания функционируют первоначально как описания, но затем, становясь элементами сложной системы утверждений, начинают нести на себе отблеск входящих в эту систему или служащих ее координатами ценностей.

Акцентуированные высказывания непосредственно связаны с поднятой М. Вебером темой «отнесения к ценностям»: описание, функционирующее в рамках определенной системы ценностных координат, само становится оценочно окрашенным, хотя и не переходит в разряд оценок, причем оценочно окрашены едва ли не все описания, даваемые науками о культуре⁷⁷.

Акцентуированными являются многие утверждения о фактах, особенно о фактах, играющих ключевую роль в обосновании конкретной теории. Такие факты обычно фиксируются высказываниями со связкой «есть». Но, учитывая их значение для поддержки общих принципов теории, утверждения о них можно переформулировать с «должно быть»: исследуемый объект не просто обладает указанными в утверждении свойствами, но *должен* обладать ими, иначе будет поставлена под сомнение сама теория.

Описательно-оценочный характер суждений диалектики

Неомарксист Г. Маркузе ограничивает ценностное измерение утверждений о фактах суждениями *диалектики* в гегелевском смысле⁷⁸.

В аристотелевской логике, пишет Маркузе, суждение, составившее ядро диалектического мышления, формализовано в форме « S есть P ». Но эта форма скорее скрывает, чем обнаруживает основополагающее положение, утверждающее негативный характер эмпирической действительности. «Мыслить в соответствии с истиной означает решимость существовать в соответствии с истиной, реализация сущностной возможности ведет к ниспровержению существующего порядка... Таким образом, ниспровергающий характер истины придает мышлению качество императивности. Центральную роль в логике играют суждения, которые звучат как демонстративные суждения, императивы, – предикат «есть» подразумевает «должно быть». Этот основывающийся на противоречии двухмерный стиль мышления составляет внутреннюю форму не только диалектической логики, но и всей философии, которая вступает в схватку с действительностью. Высказывания, определяющие действительность, утверждают как истинное то, чего «нет» в (непосредственной) ситуации; таким образом, они противоречат тому, что есть, и отрицают его истину⁷⁹. Маркузе приводит в качестве примеров суждения: «Добродетель есть знание», «Совершенная действительность есть предмет совершенного знания», «Истина есть то, что есть», «Человек свободен», «Государство есть действительность Разума» и т. п. «Если эти суждения должны быть истинными, тогда связка «есть» высказывает «должно быть», т. е. желаемое. Она судит об условиях, в которых добродетель не является знанием, в которых люди не свободны и т. п. Верификация высказывания включает процесс развития как действительности, так и мышления: (S) должно *стать* тем, что оно есть. Категорическое

утверждение таким образом превращается в категорический императив; оно констатирует не *факт*, а необходимость *осуществления* факта. Например, можно читать следующим образом: человек (на самом деле) не свободен, не наделен неотъемлемыми правами и т. п., но он *должен* быть таковым, что он свободен в глазах Бога, по природе и т. п. Диалектическое мышление понимает критическое напряжение между «есть» и «должно быть» прежде всего как онтологическое состояние, относящееся к структуре самого Бытия»⁸⁰. Диалектическое рассуждение всегда идет, по Маркузе, в модусе долженствования, даже если оно не пользуется никакими логическими связками, кроме «есть»

Маркузе имеет в виду довольно узкий круг описательных по своей форме высказываний, подразумевающих «должно быть», т. е. оценку. Эти описательные высказывания представляют собой элементы философии, «вступающей в схватку с действительностью». Обоснование таких высказываний включает, как правильно отмечает Маркузе, преобразование не только мышления, но и тех фрагментов действительности, к которым относятся высказывания. Иными словами, подобные высказывания функционируют не только как описания, предназначение которых – соответствовать действительности, но и как оценки, цель которых – служить руководством для изменения действительности. Это означает, что рассматриваемые высказывания являются, выражаясь нашим языком, двойственными, соединяющими описание и оценку.

Оценки в социальных теориях

Маркузе ограничивает свой анализ высказываниями социальной философии, причем такой, которая выдвигает достаточно радикальную программу переустройства существующего общества. Но в общем случае всякая социальная философия, говорящая о будущем общества, придает тем ключевым фактам, на которые она опирается, оттенок долженствования и оценки. Это верно не только в отношении социальной философии, но и любой социальной теории. Теории жизни общества, экономической, политической и т. д., всегда предполагают определенные ценности. Фактические, казалось бы, утверждения этих теорий, попадая в силовое поле этих ценностей, приобретают оттенок долженствования. Они не становятся оценками, но, оставаясь описаниями, оказываются оценочно окрашенными высказываниями.

«Каждый обществовед всегда придерживается определенных ценностей, что косвенно отражается в его работе, – пишет социолог Ч. Миллс. – Личные и общественные проблемы возникают там, где появляется угроза ожидаемым ценностям, и их нельзя четко сформулировать без признания существования этих ценностей»⁸¹. Усилия общественных наук направлены на понимание жизни людей и в конечном счете являются попыткой придать человеческому разуму более значительную и более существенную роль в историческом процессе. Это означает, что все обществоведение опирается на убеждение в ценности разума в жизни людей.

Общественная наука предполагает также ценность истины, факта: «В мире, где бытует так много бессмыслицы, любое утверждение о факте имеет политическое и моральное значение. Все обществоведы самым фактом своей работы вовлечены в борьбу между просветительством и мракобесием»⁸². Третья ценность, упоминаемая Миллсом в числе тех ценностных предпосылок, без которых невозможно научное изучение общества, – это человеческая свобода.

Очевидно, что все основополагающие ценности наук об обществе, называемые Миллсом, неуниверсальны, так как являются ценностями развитого общества и той общественной науки, которая в нем существует. В иных обществах, скажем в отсталых или тоталитарных, фундаментальные ценности общественных наук совершенно иные; так, среди этих ценностей отсутствует ценность факта и тем более ценность индивидуальной свободы. Хотя ценности, стоящие за общественными науками, разные в разных обществах, но в каждом обществе имеются какие-то основополагающие ценности, определяющие координаты социального исследования. Эти ценности могут не быть предметом специального изучения, но они всегда существуют

и задают основные направления исследования общества. Кроме того, само такое исследование порождает определенные ценности, отстаиваемые открыто или только подразумеваемые. В этой атмосфере фундаментальных и вторичных ценностей социальных наук даже некоторые описательные по своей интенции высказывания способны приобрести оценочную окраску

Оценочные слова и название

К акцентуированным высказываниям можно отнести высказывания с так называемыми оценочными словами. Многие понятия как обычного языка, так и языка социальных и гуманитарных наук имеют явную оценочную окраску.

Круг этих понятий, сопряженных с позитивной или негативной оценкой, широк и не имеет четких границ. В числе таких понятий: «наука» как противоположность мистике и иррационализму; «знание» как противоположность слепой вере и откровению; «равенство», под знаком которого проходили все крупные социальные движения, начиная с Великой французской революции; «справедливость», воодушевляющая критику всех существующих социальных порядков; «свобода», постоянно меняющая свое значение, но остающаяся одним из ключевых слов почти всех идеологий, и т. п. Даже сами понятия «истина» и «ценность» во многих своих употреблениях имеют явный оценочный оттенок. Введение подобных понятий редко обходится без привнесения неявных оценок.

Ценности входят в рассуждение не только с особыми «оценочными словами». При своем употреблении любое слово, сопряженное с каким-то устоявшимся стандартом, способно вводить неявную оценку.

Называя вещь, мы относим ее к определенной категории и тем самым обретаем ее как вещь данной, а не иной категории. В зависимости от названия, от того образца, под который она подводится, вещь может оказаться или хорошей, или плохой.

По этому поводу можно привести несколько интересных примеров. Хорошее здание, заметил как-то Спиноза, – это всего лишь плохие развалины. Все, что кажется древним, прекрасно, все, что кажется старым, прекрасным не кажется (Ж. Жубер). Глупое сочинение становится блестящим и остроумным, если только предположить, что глупость – сознательный прием (Жан Поль).

Название – это подведение под некоторое понятие, под представляемый им образец вещей определенного рода и – значит, оценка. Назвать привычную вещь другим именем – значит подвести ее под другой образец и, возможно, иначе ее оценить.

То, что, давая вещи название, мы тем самым нередко неявно оцениваем ее, и что вещь, хорошая в свете одного названия, может оказаться посредственной или даже плохой, будучи названной иначе, замечено очень давно. Судя по всему, именно с этим связана старая и до сих пор остающаяся не понятой адекватно доктрина «выправления имен» Конфуция: все явления и все вещи должны соответствовать тому смыслу, который вложен в их название. По поводу этой своеобразной доктрины можно заметить: вещь, отвечающая названию (стандарту, стоящему за ним), является хорошей, или позитивно ценной; если бы все вещи соответствовали своим названиям и не было возможности назвать их иначе, плохих вещей просто не было бы. Таким образом, решение, предлагаемое Конфуцием, идет по линии замены истинностного подхода к миру ценностным подходом: при последнем вещи именуются так, чтобы все они оказались хорошими.

Таким образом, не только «оценочные», но и, казалось бы, оценочно нейтральные слова способны выражать ценностное отношение. Это делает грань между описательной и оценочной функциями языковых выражений особенно зыбкой и неустойчивой. Как правило, вне контекста употребления выражения невозможно установить, описывает ли оно, или оценивает, или же пытается делать и то и другое сразу⁸³.

3. Научные законы

Наиболее общие принципы теории имеют отчетливо двойственный, дескриптивно-пре-скриптивный характер. Они описывают и объясняют некоторую совокупность фактов. В качестве описаний они должны соответствовать эмпирическим данным и эмпирическим обобщениям. Вместе с тем принципы являются также стандартами оценки как других утверждений теории, так и самих фактов.

Если роль ценностной составляющей в общих принципах научной теории преувеличивается, они становятся лишь средством для упорядочения результатов наблюдения и вопрос о соответствии данных принципов действительности оказывается некорректным.

Так, Н. Хэнсон сравнивает общие теоретические суждения с рецептами повара. Как рецепт лишь предписывает, что надо делать с имеющимися в наличии продуктами, так и теоретическое суждение следует рассматривать скорее как указание, которое дает возможность осуществлять те или иные операции с некоторым классом объектов наблюдения. «Рецепты и теории, – заключает Хэнсон, – сами по себе не могут быть ни истинными, ни ложными. Но с помощью теории я могу сказать нечто большее о том, что я наблюдаю»⁸⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.